

ВЛАДИМИР

Тимирев

1914—1938

Владимир **Т**
имирев
1914—1938

МОСКВА
ВОЗВРАЩЕНИЕ

2008

Книга издана при организационной и финансовой поддержке
Постоянной межведомственной комиссии Правительства Москвы
по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий
Комитета общественных связей г. Москвы

Составители
Л. Головкова, М. Уразова
Редактор С. Виленский

Дизайн обложки К. Илющенко

Работы Владимира Тимирева для публикации предоставили:

Государственная Третьяковская галерея

Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина

Государственный Музей Искусств Республики Каракалпакстан им. И.В. Савицкого (Нукус, Узбекистан)

Пермская государственная художественная галерея

Научно-информационный и просветительский центр «Мемориал»

Музей и Общественный центр «Мир, прогресс и права человека» им. Андрея Сахарова (Москва)

Художественно-педагогический музей игрушки Российской Академии образования (Сергиев Посад)

Е.В. Акимова, Н.А. Кравченко, Е.А. Поленова

Большинство работ публикуется впервые

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

В 2008 году минуло 70 лет с того дня, когда под Москвой на спецобъекте НКВД «Бутовский полигон» был расстрелян талантливый московский художник Владимир Тимирев. Он мог бы стать большим мастером, прославить отечественное искусство, но его творческий и жизненный путь оборвался в 23 года. О захоронениях на Бутовском полигоне стало известно лишь в самом конце 1992 года. А ведь здесь, по имеющимся на сегодняшний день документам, всего за четырнадцать месяцев 1937–1938 годов было казнено и захоронено 20 760 человек. Полигон использовался в этих целях с 1935 по 1953 год (возможно и дольше), но данных о расстрелах за весь этот период нет, и вряд ли мы когда-либо будем ими располагать. Имена тех, кого удалось выявить, вошли в 8-томную Книгу памяти «Бутовский полигон».

Место массовых расстрелов и захоронений «Бутовский полигон» находится на 18-м километре Старо-Варшавского шоссе в Ленинском районе Подмосковья, на территории бывшей усадьбы Зиминых¹. В погребальных рвах длиной в сотни метров лежат люди всех сословий, профессий, образования и образа жизни, представители более шестидесяти национальностей. Возраст невинно убиенных – от 15 до 80 с лишним лет (есть даже один 13-летний ребенок). Здесь смешался прах новомучеников, канонизированных ныне Русской Православной Церковью, представителей других конфессий и атеистов; неграмотных крестьян и ученых с мировым именем; восначальников, награжденных многими боевыми орденами; известных спортсменов, артистов, литераторов.

В этих рвах и художники, их около ста человек – разных направлений, стилей и пристрастий: живописцы, графики, прикладники, иконописцы. Кто-то из них ко времени ареста жил в бедности и неизвестности, а кто-то уже получил признание. Судьба их наследия

складывалась по-разному. Например, произведения Александра Древина удалось уберечь, так как при аресте жена его, художница Надежда Удальцова, выдала работы мужа за свои. А вот более 350 картин Романа Семашкевича, подготовленных к персональной выставке в Москве, были увезены сотрудниками «органов» и пропали в бездонных недрах НКВД. В наши дни художники А. Древин, Р. Семашкевич и основатель советского плаката, прекрасный живописец и дизайнер Г. Клуцис, также расстрелянный в Бутове, получили мировую известность; их произведения экспонируются в лучших залах России, в странах Европы и Америки². Другие художники только начинают свой путь к ценителям искусства.

О художнике Владимире Тимиреве до сих пор знает лишь узкий круг специалистов и поклонников русского искусства 1930-х годов. Отдельные его работы экспонировались на нескольких выставках в Москве. А первая персональная выставка Владимира Тимирева состоялась в Бутове, вблизи расстрельных рвов, в доме, где в 1940-х годах размещалась Школа спецслужб стран Восточной Европы. Эта выставка стала настоящим откровением для профессионалов и любителей живописи. Художник много успел за свою короткую жизнь. Сохранились его акварели, рисунки, наброски, живописные работы, книжные иллюстрации, игрушки, выполненные для Научно-экспериментального института игрушки в Загорске (ныне Сергиев Посад). Теперь работы В. Тимирева находятся в нескольких крупных музеях и в частных коллекциях.

На тех, кому довелось когда-то встречаться с самим Владимиром Тимиревым (или Одей, как называли его в кругу семьи и друзей), он произвел впечатление, которое не забылось с годами. Через всю жизнь пронес художник Макс Бирштейн образ своего друга детства и юности. Спустя шестьдесят с лишним лет он писал об Оде:

«Я прожил весьма большую жизнь и никогда не встречал юноши более одаренного, талантливого, обаятельного и прекрасного, чем Одя Тимирев. Высокий, стройный, с темными мягкими волосами, большими синими глазами под широкими черными бровями, он был одарен всесторонне. Ведь он специально не учился ни живописи, ни рисунку, но его искусство было отмечено безукоризненным вкусом и высоким профессионализмом»³.

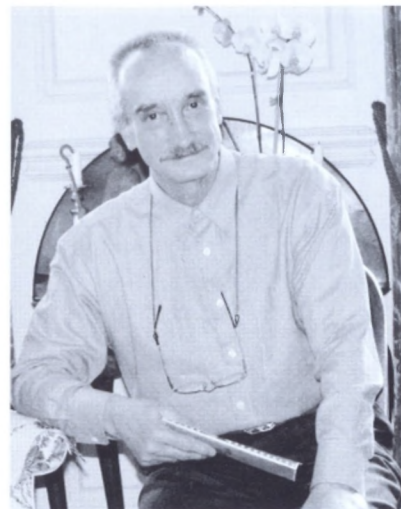
Трагической судьбе Владимира Тимирева и рассказу о Бутовском полигоне посвящен документальный фильм «Я к вам травую прорасту...» (автор сценария А. Липков, режиссер Ю. Колесников). На 11-м Московском международном кинофестивале «Сталкер» в 2005 году фильм получил Главный приз как лучший неигровой

фильм. Наконец выходит первая книга о короткой жизни и творчестве художника.

В настоящем издании представлены работы, находящиеся в семи музеях и трех частных коллекциях. Бесценную помощь в подготовке этой книги оказали сотрудники музеев – Государственной Третьяковской галереи, Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Государственного Музея Искусств Республики Каракалпакстан им. И.В. Савицкого (Нукус, Узбекистан), Пермской Государственной художественной галереи, Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал» (Москва), Музея и общественного центра им. Андрея Сахарова (Москва), Художественно-педагогического музея игрушки Российской Академии образования (Сергиев Посад). Поддержал проект Дом-музей Марины Цветаевой в Москве.

Благодарим Елену Анатольевну Поленову, Елену Владимировну Акимову, Наталью Алексеевну Кравченко, сохранивших и представивших для публикации работы Владимира Тимирева и фотографии из семейных архивов.

Эта книга предопределена подвижнической деятельностью Ильи Кирилловича Сафонова – двоюродного брата Владимира Тимирева, публикатора, составителя и автора целого ряда изданий, посвященных представителям семьи Сафоновых. Именно у Ильи Кирилловича крупнейшие музеи страны приобрели или получили в дар работы художника. Он был инициатором нескольких выставок и мечтал о том, чтобы имя Владимира Тимирева заняло свое место в художественной летописи страны. Смерть И.К. Сафонова после автоаварии в 2004 году стала тяжелым ударом для нас, его друзей, помогавших ему в подготовке книг и выставок. Эта книга – выполнение заветного желания Ильи Кирилловича и дань его светлой памяти.

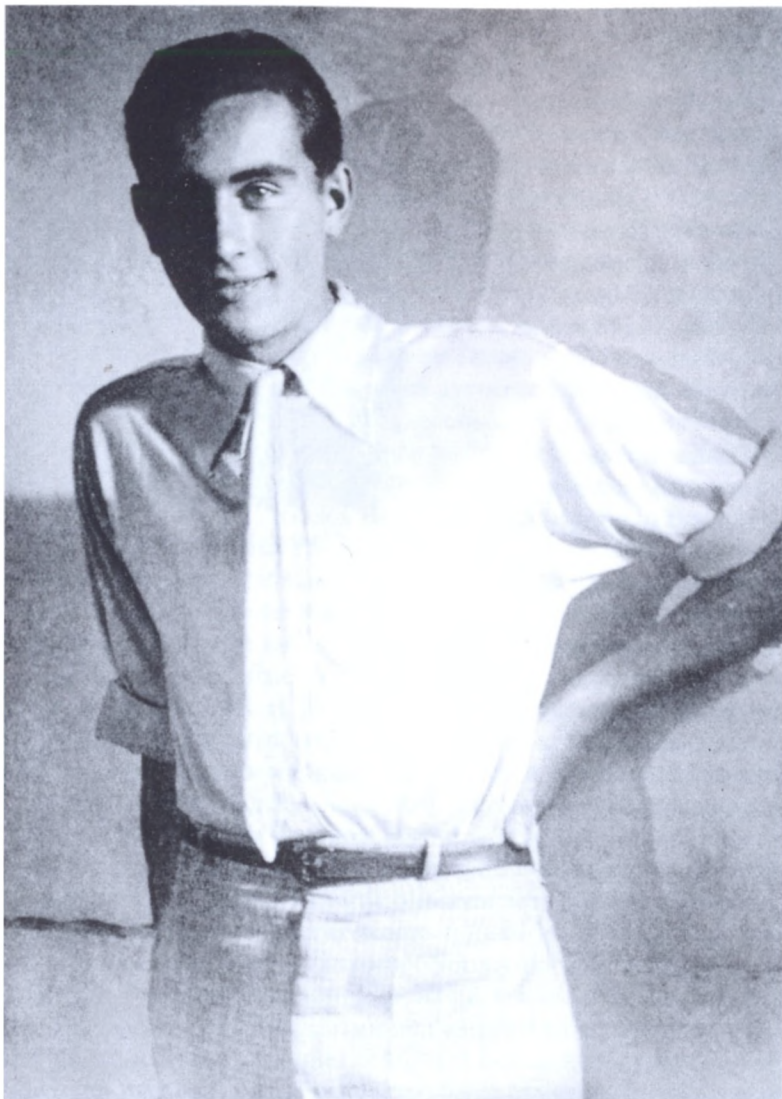

Илья Кириллович Сафонов. 2004

1 Об истории имения и полигона см.:
Головкова Л. В родном краю / Книга памяти жертв политических репрессий. Бутовский полигон. Вып. 8. М., 2004. С. 8–170.

2 Александр Древин был расстрелян на Бутовском полигоне вместе с известным художником Густавом Клуцисом и Карлом Вейдеманом 26 февраля 1938 г.;

Роман Семашкевич расстрелян 22 декабря 1937 г. Его работы, изъятые при обыске, пропали.
3 *Бирштейн М.* Жизнь и картины. М.: Галарт, 2000. С. 150.

*Владимир Тимирев. 1935.
(Публикуется впервые)*

ВЗЫСКАННЫЙ ГОРЬКОЙ СУДЬБОЙ¹

Владимир Тимирев родился 20 сентября (4 октября) 1914 года в Петрограде, в семье, составлявшей славу русской музыкальной культуры и русского флота. О семейных корнях Тимиревых и Сафоновых рассказывает двоюродный брат и крестник Владимира Тимирева Илья Кириллович Сафонов:

«Офицерская линия Тимиревых восходит к подполковнику Ивану Степановичу, сын которого, будучи в чине капитан-лейтенанта, в 1845 году получил дворянское звание и стал, таким образом, родоначальником дворянского рода Тимиревых. Один из двух его сыновей, также ставший капитан-лейтенантом, Николай Иванович Тимирев, женился на Лобойковой Екатерине Порфирьевне, а уж одним из сыновей этого семейства и был Сергей Николаевич Тимирев – отец героя нашего рассказа, впоследствии морской офицер, ставший контр-адмиралом. С.Н. Тимирев был участником морских сражений во время Русско-японской войны 1904–1905 годов и морской кампании на Балтике в годы Первой мировой войны². Теперь линия материнская. В 1831 году в семье вышневолоцкого священника Алексея Вышнеградского родился сын Иван³. У одной из дочерей И.А. Вышнеградского – ее звали Варвара (она впоследствии стала бабушкой Володи Тимирева по материнской линии) – обнаружили отличные вокальные данные, и по окончании Петербургской консерватории она стала концертующей и подающей большие надежды певицей.

*Семья Тимиревых.
Гельсингфорс, 1915*

«Сафоновская лесенка». Слева направо: Василий Ильич и Варвара Ивановна Сафоновы и их дети: Илья, Сергей, Иван, Анна, Варвара, Мария, Ольга, Елена Сафоновы. Москва, 1906

Однако посвятила себя Варвара Ивановна семье, выйдя замуж за Василия Ильича Сафонова. Здесь мы затрагиваем еще одну из славных русских фамилий, на пересечении которых и родился Володя Тимирев.

В.И. Сафонов был родом из семьи терских казаков. Его отец, Илья Иванович, поступил в казачью службу в 1845 году и прошел путь боевого казачьего офицера. Он принимал участие во всех военных кампаниях, которые имели место на Кавказе с 1845 по 1861 год, некоторое время являлся комендантом Пятигорска, состоял в различных высоких командных должностях, последней из которых было командование бригадой Терского казачьего войска в чине генерал-лейтенанта⁴. Василий Ильич Сафонов в 1872 году окончил Императорский Александровский (бывший Царскосельский) лицей и шесть лет прослужил в канцелярии Комитета министров. Однако страстное увлечение музыкой заставило его бросить чиновничью карьеру и в 27 лет поступить в Петербургскую консерваторию.

Он занимался у профессора А. Брассена по классу фортепиано. Окончив консерваторию за один год с золотой медалью, он остался преподавать и начал активную концертную деятельность. В 1885 году П.И. Чайковский пригласил его занять должность профессора в Московской консерватории, а в мае 1889-го В.И. Сафонов был избран ее директором. При В.И. Сафонове и в значительной степени его трудами и заботами было построено новое здание консерватории и знаменитый Большой зал, каким мы видим его сегодня, любимый музыкантами всего мира. Василий Ильич проработал в Московской консерватории 20 лет, заложив основы непревзойденной русской музыкально-педагогической и пианистической школы. Он вырастил таких замечательных музыкантов, как А.Н. Скрябин, Н.К. Метнер, А.Ф. Гедике, Ел. и Евг.Ф. Гнесины, И.А. Левин, Р.Я. Бесси-Левина, Е.А. Бекман-Щербина и многих других. В.И. Сафонов был одним из руководителей и главным дирижером Московского отделения

Императорского Русского музыкального общества, а также инициатором проведения так называемых общедоступных концертов.

Неприятие революционных настроений в обществе и особенно среди студенчества, единоначалие и власть в управлении консерваторией вызвали расхождения между В.И. Сафоновым и частью профессоров и студентов. А участие учеников его класса в забастовочном комитете и студенческих беспорядках Василий Ильич воспринял «как измену искусству и ему лично. Он оставил консерваторию, вышел в отставку и посвятил себя свободной концертной деятельности»⁵.

В 1906 году Василий Ильич уехал в Америку, где стал главным дирижером филармонического оркестра Нью-Йорка и директором Американской национальной консерватории. С 1910 года В.И. Сафонов с огромным успехом гастролирует по странам Европы, выступая не только как дирижер, но и пианист-ансамблист. Он открыл миру русскую музыку, исполняя произведения Римского-Корсакова, Балакирева, Мусоргского, Бородина, Скрябина, Рахманинова, Метнера. Роль В.И. Сафонова в развитии русской музыкальной культуры невозможно переоценить⁶.

В семье Сафоновых было десять детей – семь дочерей и три сына⁷. Одна из дочерей, Анна, родилась в 1893 году. На праздновании дня рождения своей бабушки, Варвары Федоровны, 18-летняя Аня увиделась с морским офицером, героем Русско-японской войны и своим троюродным братом Сергеем Николаевичем Тимиревым. В 1911 году состоялась их свадьба⁸.

После рождения сына Владимира в 1914 году семья Тимиревых некоторое время жила в Петрограде, затем в городах, где по долгу службы находился Сергей Николаевич – флаг-капитан штаба Балтфлота: в Гельсингфорсе и Ревеле. Будучи командиром крейсера «Баян», С.Н. Тимирев, кавалер многих боевых наград, участвовал в Моонзундском сражении, а в октябре 1917 года был назначен начальником 1-й бригады крейсеров Балтийского флота⁹.

Мать Оди Тимирева, Анна Васильевна, вошла в историю как спутница последних, самых драматических

Анна Васильевна Тимирева. 1915

Сергей Николаевич Тимирев

Анна Васильевна Тимирева. Гельсингфорс, 1916

*Вице-адмирал Александр Васильевич Колчак.
Черноморский флот. Март 1917*

лет жизни Верховного Правителя России адмирала А.В. Колчака. Видевший Анну Васильевну при ставке Колчака генерал П. Бергерон¹⁰ так писал о ней в своем дневнике: «Тимирева. Просто женщина, и этим все сказано... Редко в жизни мне приходилось встречать такое сочетание красоты, обаяния и достоинства. В ней сказывается выработанная поколениями аристократическая порода, даже если, как поговаривают, она по происхождению из простого казачества...» Анна Васильевна Тимирева, женщина редкого очарования, имела к тому же разносторонние таланты: была художницей, всю жизнь писала стихи. С Александром Васильевичем Колчаком – тогда капитаном 1-го ранга – Анна Васильевна познакомилась в 1915 году в Гельсингфорсе, где находился штаб командующего Балтфлотом адмирала фон Эссена. Два года продолжалась их переписка. Они писали друг другу отовсюду. Куда бы ни забрасывала судьба Колчака, он, по его собственному признанию, проводил каждую свободную минуту «в думах о бесконечно прелестном светлом чарующем образе» – «милой, обожаемой Анне Васильевне»¹¹.

В январе 1918 года С.Н. Тимирев был уволен в отставку и направлен советским руководством уполномоченным Центрального военно-промышленного комитета по ликвидации имущества морского ведомства на Дальнем Востоке. Анна Васильевна вместе с мужем поехала к месту его назначения. Но именно там супруги расстались – Анна Васильевна узнала, что Колчак находится в Харбине. Она настояла на разводе и, не страшась последствий, соединила свою судьбу с судьбой А.В. Колчака.

До последнего дня Анна Васильевна была рядом с адмиралом и добровольно пошла с ним в тюрьму. «Я была арестована в поезде адмирала Колчака и вместе с ним. Мне было тогда 26 лет, я любила его и была с ним близка и не могла оставить его в последние дни его жизни», – писала Анна Васильевна, и писала не в мемуарах, рассчитанных на благожелательного и заинтересованного читателя, а в заявлении о реабилитации¹².

Из воспоминаний Анны Васильевны: «Последняя записка, полученная мною от него в тюрьме, когда армия Капшеля¹³, тоже погибшего в походе, подступала к Иркутску: Конечно, меня убьют, но если бы этого не случилось – только бы нам не расставаться.

И я слышала, как его уводят, и видела в волчок его сестру папаху среди черных людей, которые его уводили. И все. И луна в окне, и черная решетка на полу от луны в эту февральскую лютую ночь. И мертвый сон, сваливший меня в тот час, когда он прощался с жизнью, когда душа его скорбела смертельно. Вот так, наверно, спали в Гефсиманском саду ученики»¹⁴.

Колчака расстреляли 7 февраля 1920 года; тело адмирала сбросили под лед реки Ушаковки, притока Ангары. Пятьдесят лет спустя Анна Васильевна писала:

Полвека не могу принять:
Ничем нельзя помочь!
И все уходишь ты опять
В ту роковую ночь.

А я осуждена идти
Пока не минет срок,
И перепутаны пути
Исхоженных дорог...

Но если я еще жива
Наперекор судьбе,
То только как любовь твоя
И память о тебе.

30 января 1970

Анну Васильевну как «гражданскую жену Колчака» арестовывали семь раз. Она провела в тюрьмах, лагерях, ссылках и «минусах»¹⁵ в общей сложности около тридцати пяти лет. Окончательно она вернулась в Москву лишь в 1960 году.

Отец Оди, контр-адмирал Сергей Николаевич Тимирев, в ноябре 1918 года принял командование морскими силами Белой армии на Дальнем Востоке, а в 1920 году после поражения Белого движения в Сибири эмигрировал в Китай.

*Анна Васильевна
с 8-летним сыном Одей. 1922*

Маленького Одю перед отъездом на Дальний Восток Анна Васильевна отвезла в Кисловодск к своей матери. Там у Сафоновых имелся дом, а в Георгиевске – дача. Члены семьи Василия Ильича обычно проводили здесь лето. В феврале 1918 года знаменитый в музыкальном мире Василий Ильич Сафонов умер. Анна Васильевна тяжело переживала смерть отца, хотя, как она писала, «дня не проходило без столкновений, когда мы жили вместе... У него характер крутой, а я тоже не отличаюсь кротостью». В марте 1918 года она писала об отце: «Да, если был контрреволюционер – до глубины души, то это был мой отец. Если революция разрушение, то вся его жизнь была созиданием, если революция есть торжество демократического принципа и диктатура черни, то он был аристократом духа и привык властвовать над людьми и на эстраде, и в жизни. Оттого он так и страдал, видя все, что делалось кругом, презирая демократическую бездарность как высокоодаренный человек, слишком многое предвидя и понимая с первых дней революции»¹⁶.

Одя с матерью в Бехове (Поленове)

*Анна Васильевна с мужем В.К. Книпером
и сыном Одей в Тарусе*

В 1921 году умерла мать Анны Васильевны – бабушка Оди, Варвара Ивановна. После ее смерти Одя остался с сестрой деда Марией Ильиничной Плеске. В 1922 году Анну Васильевну, по ходатайству Е.П. Пешковой, перевели из Новониколаевской тюрьмы в московскую Бутырку и вскоре выпустили под подписку о невыезде. Не обращая внимания на подписку, Анна Васильевна сразу же отправилась в Кисловодск за сыном, которому было в это время восемь лет. Она перевезла сына в Москву и поселилась с ним у своего брата, Ильи Васильевича Сафонова, снимавшего квартиру на Плющихе в доме № 31. В 1923 году Анна Васильевна вышла замуж за инженера-строителя Всеволода Константиновича Книпера; он был ее соседом по дому¹⁷. Как глава семьи Всеволод Константинович взял на себя все заботы о жене и пасынке. Это оказалось для них спасением. Через два года, в 1925-м, Анну Васильевну снова арестовали, но 10-летний сын ее остался под надежной опекой. Сама она как «социально-опасный элемент» была выслана на три года «за 101 километр» и в течение этих лет проживала в Тарусе, где работала на вышивальной фабрике, затем жила в Бехове (впоследствии Поленово). Одя с отчимом навещали ее, а летние каникулы мальчик проводил здесь вместе с матерью. В имении Поленовых комнаты в главном доме, над музеем, которым завеловал сын художника Дмитрий Васильевич, и отдельные флигели, разбросанные по территории имения, на лето сдавали дачникам. «Наиболее таинственные и менее общительные со всеми были жильцы маленького дома, “баньки”, которая была расположена поближе к реке, – вспоминает дочь философа Густава Шпета¹⁸ Марина. – Там жила Анна Васильевна Книпер с сыном Владимиром, но все называли его Одя»¹⁹. В поленовской «баньке» жили в разные годы многие известные люди – композитор Анатолий Николаевич Александров, большие друзья Поленовых художники Кукрыниксы; в 1930-х годах в «баньке» жил С.С. Прокофьев, он писал здесь музыку к балету «Ромео и Джульетта».

После революции, когда не стало ни губернаторов, ни домашних учителей, в больших дворянских семьях детей учили сами родители и их друзья, не доверяя своих питомцев невежественным педагогам советской школы. Так было в имении Тютчевых Муранове, в Абрамцеве, в Измалкове – имении графа В.А. Комаровского (по соседству с нынешним Переделкином). Так, наконец, было и в Поленове, где многочисленная детвора и зимой, и летом была под неусыпной, но необременительной опекой взрослых. Непременно отмечались большие церковные праздники – Рождество, Пасха, все дни рождения, дарились подарки, изыскивались средства на праздничное угощение. Кроме всех обязательных школьных дисциплин, детей учили музыке, рисованию, разучивали с ними стихи, устраивали шарады. И везде существовал театр, в котором с удовольствием принимали участие дети и взрослые. Был театр и в Поленове. Летом 1926 года там поставили спектакль «Чертова подкова, или О том, как рыцарь Дамар скитался по свету в поисках утерянной подковы своего коня Овохеба». Музыку для спектакля написал Анатолий Николаевич Александров, текст – Анна Васильевна, а главную роль исполнял 12-летний Одя Тимирев.

Дочь композитора А.Н. Александрова, Елена Анатольевна, рассказывала: «Поленовы не боялись принимать у себя людей, которые прошли через аресты и ссылки. Здесь дважды бывал Артемий Раевский, который пробыл в заключении очень долго, потерял там ногу. Бывали Марья Федоровна Яқунчикова, она была сослана в Тарусу и там организовала кружок вышивки, Михаил Александрович Петровский, известный врач». Жил в Поленове и Георгий Осоргин, отправленный в 1927 году на Соловки и расстрелянный там. Позже, в 1937 году чете Поленовых – директору музея Дмитрию Васильевичу и его жене Анне Павловне, припомнят всех этих постояльцев. Поленовы будут арестованы и вернутся только в 1945 году. Сын Поленовых, Федор Дмитриевич, вспоминал, что его мама «долго еще... ложилась спать одетой в тюремный бушлат, платок и валенки на полу перед

камином – боялась: вдруг опять нагрянет неожиданный ночной арест, и она не успеет одеться...»²⁰.

В 1928 году срок высылки Анны Васильевны закончился. Отъезд ее с неудовольствием был зафиксирован наблюдавшими за ней «органами». В сообщении Особого отделения ОГПУ по Калужской губернии от 16 июня 1928 года говорилось, что «адмвысланная Книпер А.В. 17 мая с.г. без нашего ведома выбыла в гор. Москву... не сочла нужным уведомить и явиться к Уездуполномоченному, ограничившись подачей заявления начальнику Тарусской волмилиции...

Подобное поведение Книпер надо рассматривать как игнорирование наш орган (*так в документе. – Л.Г.*), причем Книпер во время высылки вела себя вызывающе»²¹. В чем заключалось ее «вызывающее поведение», «орган» не объяснил. Тем не менее, Анна Васильевна в положенное время вернулась домой на Плющиху и до 1935 года, целых семь лет, жила с семьей – сыном Одей и мужем Всеволодом Константиновичем Книпером, который стал для ее сына добрым наставником и старшим товарищем.

Одя Тимирев закончил среднюю школу в Хамовниках, где приобрел верного друга на всю свою короткую жизнь – Макса Бирштейна. Вместе они поступили в Строительно-конструкторский техникум, полагая, что там учат рисунку. Макс Бирштейн вспоминает о том времени: «Каждый год на Первомайские праздники мы с Одей брали рюкзак, одеяла, удочки, альбомы и на три дня уезжали куда-нибудь под Москву в “дикое место”, в лес, на речку, ночевали в лесу, замерзали, вечером сидели у костра. Видели чудо весеннего рассвета, пробуждение леса и пение птиц. Недавно я нашел свой маленький этюд: с небольшой папкой сидит на пне и рисует тонкий прекрасный юноша»²².

Одя с другом учились плохо и еле-еле закончили техникум, потому что было неинтересно. Затем Одя стал студентом Московского архитектурно-строительного института, но проучился там всего три семестра и в начале 1933 года по неизвестным причинам оставил институт. Остается загадкой,

*Художник А.И. Кравченко – педагог
В. Тимирева*

Наташа Кравченко. 1935

почему Одя не попробовал поступить в художественное училище или институт.

С 1932 года В. Тимирев работает штатным художником в Загорском научно-экспериментальном институте игрушки, образованном в том же году. Среди первых изделий института есть и его работы.

Он делает не только рисунки, но и макеты игрушек. Часть их, большие многофигурные композиции, сохранилась, как и эскизы игрушек, сделанные необычайно ярко, остроумно, талантливо.

В том же 1932 году восемнадцатилетний Одя начал заниматься в студии известного московского художника, графика и живописца А.И. Кравченко. Занятия проходили в большой восьмикомнатной квартире Алексея Ильича в Чистом переулке, где была устроена просторная мастерская художника²³.

Признанный график, с 1935 года – профессор Московского художественного института, Алексей Ильич Кравченко был известен не только в нашей стране. Его иллюстрации к Пушкину, Гоголю, Лескову, Цвейгу, Гофману ценились во многих странах. В эти годы в Москве работали два крупнейших мастера ксилографии: В.А. Фаворский и А.И. Кравченко. В молодости они дружили. Алексей Ильич со своей женой Ксенией Степановной ездил в гости к Фаворским в Сергиев Посад. Но в дальнейшем пути их разошлись. У каждого художника образовался свой круг друзей, учеников, почитателей, и эти два круга никогда впоследствии не пересекались; наоборот, их противостояние с годами все более усиливалось. Художники были полной противоположностью друг другу. Фаворский был религиозен, Кравченко – нет, хотя в письмах он иногда просил помолиться за него, а мать его, овдовевшая в 21 год, была монахиней в миру и жила вместе с ним. Фаворский был не только выдающимся художником, но и мыслителем, теоретиком, педагогом; Кравченко – поклонником чистого искусства, языком живописи воспевавшим чувственную красоту мира. Фаворские подспудно противостояли режиму. Дом Фаворских был открыт для художников, возвращавшихся в 1930–1950-е годы из ссылок и лагерей.

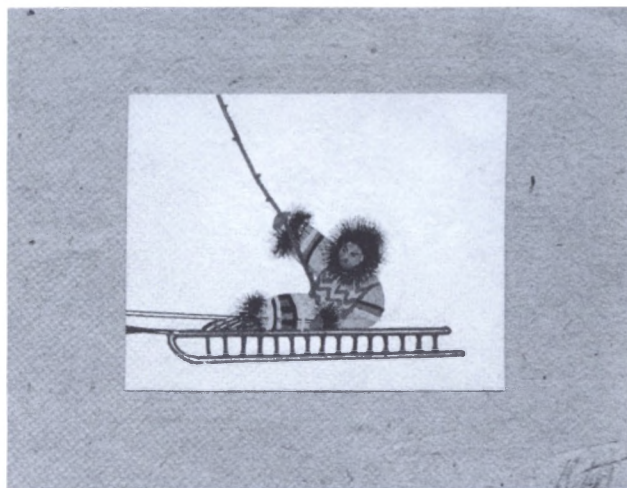
Некоторые жили здесь годами и даже остались в этом доме навсегда. Семья Кравченко была очень осторожна в выборе знакомых, старалась опасных связей не заводить, хотя, конечно, это далеко не всегда получалось: симпатии и человеческие привязанности нередко брали верх над благоразумием.

А.И. Кравченко не испытал на себе гонений времени. Говорили, что некоторые его гравюры даже висели в апартаментах Сталина. Но свою прекрасную живопись Алексей Ильич тщательно скрывал, не только не выставляя, но и не показывая ее даже знакомым, справедливо полагая, что она далека от пресловутого соцреализма. Внешне в семье все как будто обстояло благополучно. Лишь сам художник и жена его, Ксения Степановна, знали, чего стоило балансировать между официальным признанием и свободой творчества. Если какой-то иностранный художник или писатель выражал желание встретиться с А.И. Кравченко (а такое случалось нередко), разрешение на это испрашивалось в ВОКСе, сотрудником которого была Ксения Степановна. Всесоюзное общество культурных связей с границей (ВОКС) было тогда подведомственно ОГПУ-НКВД. Ксению Степановну в 1920-х годах устроил в ВОКС А.В. Луначарский; он хотел помочь художнику, так как знал, что Алексей Ильич один кормит семерых членов семьи²⁴.

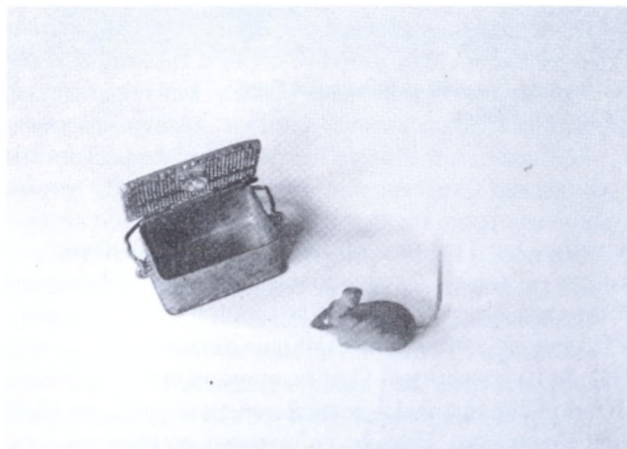
Для Фаворского какое-либо сотрудничество с организацией, хотя бы отдаленно связанной с чекистами, было абсолютно неприемлемо.

По линии ВОКСа Алексей Ильич с женой бывал в длительных заграничных командировках. Ксения Степановна, владевшая шестью языками, сопровождала художника не только в качестве жены и организатора выставок, но и как его переводчик – несмотря на то, что в биографии Ксении Степановны не все обстояло благополучно с точки зрения советского режима: ее отец, крупный саратовский банкир, в 1918 году в качестве заложника был расстрелян большевиками.

Ученики А.И. Кравченко в его студии в Чистом переулке под руководством мастера рисовали обнаженную

Миниатюра «Ненец». 1933

В. Тимирев. Миниатюрный мышонок с домиком-ларцом. 1933

*В. Тимирев. Усадьба на Николиной Горе.
Фрагмент. 1930-е*

натуру. Одя Тимирев пришел туда в первый раз вместе с Таней Александровой – дочерью композитора Анатолия Александрова, с которой он подружился в Поленове, когда они были еще детьми.

На одном из занятий Одя познакомился с очаровательной девочкой, 15-летней дочерью педагога Наташей Кравченко. Наташа собиралась со временем поступать в художественный институт и по настоянию отца начала тогда рисовать вместе с его учениками.

Наташа прекрасно играла на фортепиано, чудесно танцевала и была любимицей молодежи и друзей семьи. Узнав, что Наташе нравится все миниатюрное («чем меньше, тем забавнее», говорила она), Одя сделал и подарил ей акварель размером с марку, изображающую ненца в санях, и крошечного, не более сантиметра в длину, мышонка, вырезанного из дерева и раскрашенного, с золоченым домиком-ларцом для него. Эти рукотворные дары не затерялись в архивах Н.А. Кравченко в течение десятилетий.

Молодые люди проводили много времени вместе: ездили на Ленинские горы кататься на лыжах, отправлялись на этюды, рисовали в старых подмосковных усадьбах. Очень скоро дружеское увлечение переросло в любовь. Спустя семьдесят лет Наталья Алексеевна вспоминает об Оде: «Я запомнила его очень красивым, очень нежным, очень контактным, веселым, внутренне тонким человеком. У него было удивительной красоты лицо, даже слишком красивое». О том времени, когда они были почти неразлучны, она рассказывает: «Это такое было счастье! Так радостно и интересно мне было жить! Я все это до сих пор помню. И этот первый в жизни моей поцелуй. Произошло это в Архангельском, летом, когда мы были на этюдах. Мы оба были так захвачены чувством и так счастливы... А потом все как-то получилось по-другому...»²⁵

Творческая жизнь Владимира Тимирева складывалась удачно. Он много работал и по тем временам зарабатывал очень неплохо; мог, например, позволить себе сходить с друзьями в ресторанчик, купить красивую одежду, дорогие беговые лыжи – предмет зависти и восхищения знакомых детей, в особенности, мальчишек. В. Тимирев делает рисунки для газет, работает в книжной графике, принимает участие в оформительских работах, делая их не формально, а внося живое дыхание времени. В 1934 году у В. Тимирева в Горьком графиков состоялась первая выставка акварелей, получившая высокую оценку художников. Возможно, после этой выставки он был принят в члены Союза художников²⁶.

В летние месяцы все семейство Кравченко перемещалось из Москвы на Николину Гору, где на высоком берегу Москвы-реки среди вековых деревьев стоял большой деревянный дом, спроектированный и отчасти выстроенный самим художником. Дом на Николиной Горе, нарисованный то с натуры, то по памяти, встречается в акварелях Оди не раз. Одя пробовал писать и маслом. В 1933 году он ездил к родственникам в Кисловодск. На окраине города и в предгорьях он сделал ряд небольших этюдов маслом, однако впоследствии к масляной живописи он почему-то не возвращался, постоянно работая в сложнейшей технике акварели.

В 1934 году Наташа Кравченко стала студенткой Московского института изобразительных искусств²⁷. Но всю зиму и весну 1934–1935 года она проболела, и ее отправили в «цековский» санаторий на Черноморское побережье, чтобы подлечить, а возможно, и оградить от близости влюбленного в нее Оди. Наверное, Оде и в голову не приходило, что он не пара этой девушке. Как когда-то его мать, он безоглядно отдался любви, не подозревая, каким опасным, в сущности, гостем он был в этом мире известных, благополучных людей. «Правда, вначале, – вспоминает Наталья Алексеевна, – родители, особенно отец, любовались нами и нашей увлеченностью друг другом. Отец подарил мне книжку со своими гравюрами, рыцарскую песню-сказку XIII века «Окассен и Николет» о двух влюбленных, сказав при этом: «Это ты с Одей»». Но когда речь зашла о браке между молодыми людьми, благодушие родителей сменилось тревогой за судьбу дочери...

Весной 1935 года Одя и его друг Макс Бирштейн отправились в поездку на Каспий. В своих воспоминаниях Макс Бирштейн пишет:

«Мой брат работал во Всесоюзном институте рыбного хозяйства и океанографии. В 1935 году он вместе с профессором Львом Александровичем Зенкевичем организовал большую комплексную экспедицию для выявления кормовых запасов Каспия²⁸.

Вид из окна дома на Плющихе.
Фотография В. Тимирева

Мы с моим другом Одей Тимиревым попросили взять нас лаборантами. Весной мы приехали в пыльную, оживленную и красивую Астрахань. Набережная Волги, огромный собор, много каналов, маленькая речка Кутум, через каналы – деревянные мостики. На базар привозят всякую всячину на больших черных смоленых парусных лодках – реюшках. У причалов – разные суда, суетня, а у нас – суетня подготовки экспедиции. Зафрахтованы суда научно-промысловой разведки. Это моторно-парусные шхуны. Они выглядят очень романтично. Одя отплывает на одном судне, я – на другом. Каждому судну определен район работ. Наша работа такова: в данном районе намечены станции, на ней спускается трал и, кажется, полчаса он тянется и наполняется или не наполняется рыбой. Мы должны определенную часть рыб из этого улова выпотрошить, вынув весь пищеварительный тракт и желудок, завязать ниточкой, вложить этикетку с номером станции и размером рыбы и опустить в бачок с формалином, затем, есть такое приспособление

“дночерпатель” – это такой тяжелый чугунный как бы ковш, который опускаешь на дно, дернешь за кольцо и он закрывается, и ты вытаскиваешь пробу дна, затем ты высыпаешь этот грунт в специальные ящики, без конца промывая водой из-за борта. Дно у ящика – тонкое сито, и ты тщательно выбираешь пинцетом всяких живых тварей, опускаешь их в баночку с формалином и наклеиваешь этикетку с номером станции. Все это довольно трудно, особенно если на море волнение и если грунт – черный ил. Вот мы попали в район, где в трал попадались великолепные осетры и севрюги. Мы варили из этой рыбы прекрасные обеды. <...>

Очень живописна сама шаланда – посреди моря стоит как бы двухэтажный большой дом. Он является фабрикой по обработке рыбы. Вокруг шаланды много рыбацких судов. Многие подходят под большими парусами. Особая экзотическая жизнь среди моря. Много женщин – рыбообработчиц, там столовая, кухарки, магазин, такое впечатление, что это очень веселое место, слышатся шутки, смех, над шаландой вьется куча белых чаек.

С южной части мы идем на север Каспия. <...>

Ну вот, закончено наше плавание, возвращаемся в Астрахань. Мы встретились с Одей и отметили окончание нашего путешествия роскошным обедом в ресторане, на берегу Волги, на террасе, на твердой земле. Ничего не качается, чистота, вкуснота, тут же маленький запотелый графинчик. Живут же люди! Очень запомнилась одна встреча в Астрахани. Яша и очень крупный ученый, совершенно замечательный человек Иван Илларионович Месяцев²⁹, Одя и я идем в Астраханскую картинную галерею. Запомнились холсты Кустодиева, большая романтическая картина “За Волгой” Нестерова, Серов, Коровин. С нами ходит, показывает картины директор музея. Осмотр окончен, мы благодарим. Иван Илларионович Месяцев спрашивает: “А где же у вас революционные художники: Татлин, Клюн, Малевич?” Директор испуган, смущен и тихонько говорит: “Есть, есть, они в запаснике”³⁰.

По окончании поездки друзья организовали в Москве во Всесоюзном научно-исследовательском институте морского рыбного хозяйства и океанографии выставку своих работ под названием «По Каспию». Макс Бириштейн вспоминал о работах В. Тимирева, представленных на этой выставке: «Одя написал очень много прекрасных акварелей. Они посвящены морю и очень колоритной в те годы Астрахани, ее набережной, каналам и реке Кутум... Есть у него акварели, где изображен базар, куда привозят крестьяне в больших и маленьких черных лодках под серыми парусами груды арбузов, помидоров, всякой снеди. По наброскам Одя написал великолепные акварели...»³¹.

В апреле 1935 года, в то время когда Одя находился в плавании на Каспии, в Москве была арестована его мать. Скорый суд приговорил ее к 5 годам исправительно-трудовых работ в БАМлаге. Перед отправкой на этап в письме от 30 апреля Анна Васильевна пишет Екатерине Павловне Пешковой в Красный Крест: «...Мой арест явился результатом доноса, имеющего целью убрать и меня, и мою семью из Москвы. Т.к. в средствах заинтересованные лица не стесняются, то я могу ожидать всего. Вы знаете меня 15 лет, Вы можете мне поверить, что после всего, что было в жизни со мной, я не очень ею дорожу и к своей участи почти безразлична. Но мысль о моих близких для меня мучительна сверх всякой меры. Моя сестра Елена Васильевна может, если Вы захотите узнать, в чем дело, все объяснить Вам, но моя просьба не в том. Я просила передать мужу и сыну, чтобы они не держались за Москву».

Далее Анна Васильевна умоляет Екатерину Павловну сообщить ей, если что-то случится с ее семьей, «ничего не скрывая, не щадя ее ни в каком случае». «Если я буду верить, что Вы это сделаете, – пишет Анна Васильевна, – я еще смогу принять свою судьбу в ее любой форме. Простите, что я пишу Вам, извинением письма может служить то, что я уезжаю, не повидав самых близких мне людей, моего сына и моего мужа»³². Благодаря ходатайству Е.П. Пешковой, уже в мае 1935 года Анну Васильевну вызывают в Москву.

Ей разрешено приехать на три недели на пересмотр дела. Вместо пяти лет лагерей теперь ей назначено «свободное» проживание в течение трех лет за «101-м километром» от Москвы. В ноябре Анна Васильевна выехала в Вышний Волочек, но там что-то не сложилось, она переехала в Верею, а затем поселилась в Калужской области в городе Малоярославце. При переезде в Малоярославец какое-то тяжелое предчувствие охватило ее.

Когда впервые в этот грустный город
Дождливым днем направила я путь,
Тоска рукой холодной сжала ворот,
Плащом намокшим охватила грудь...
На белый камень сеял дождь осенний,
И горизонт, дождливый, как упрек,
Вставал вдали темно-лиловой тенью,
Грозил бедой, как неизбежный рок.
И что-то вдруг мне явственно сказала –
Прошел сквозь сердце острый тонкий нож:
«Пришла сюда печальной и усталой –
Живую ты отсюда не уйдешь».

В 1936 году Одя меньше виделся с Наташей. У нее появились новые друзья из числа студентов, новое увлечение – блестящий, остроумный, даже «великолепный», как утверждали некоторые общие знакомые, Юра Феоктистов, из-за которого Оде, должно быть, пришлось пережить немало горьких минут. Тем не менее все трое дружили. Их общий друг Вадим Шапошников терпеливо выслушивал рассказы того и другого об их ухаживаниях за любимой девушкой. Но вскоре Юра Феоктистов, который, оказывается, ранее уже привлекался по 58-й статье, бесследно исчез³³.

В августе 1937 года Одя отправился во вторую экспедицию на Каспий. Как человек с опытом, на этот раз он был назначен начальником рейса на судне. Пришлось руководить командой, в составе которой были, между прочим, «только что отбывшие наказание каналармейцы», отвечать за улов рыбы, много

Одя. 1935.
(Публикуется впервые)

работать физически; довелось то целыми днями – до тошноты – есть осетрину, то голодать, питаясь одними сухарями. Несмотря на большую занятость, на штормовую погоду, Одя успевал рисовать и писать, и привез из новой поездки массу прекрасных работ. Позже об этих работах известный московский скульптор Дмитрий Михайлович Шаховской скажет: «Меня несколько поразила зрелость его последних работ... там чувствуется настоящее мастерство и свобода. В свои 23 года он, конечно, очень много успел». О том же говорит искусствовед, профессор Галина Загянская: «В 23 года состояться художнику – это невероятная редкость... Одя состоялся в 23 года». Но сам художник относился к себе и своим работам гораздо строже. Он записывал в дневнике, который

вел в плавании: «Просматривал продукцию (живописную). Штук 5 ничего, что-то брезжит, а вообще не пойму. Если из рейса я привезу 5-6 неплохих вещей (кроме дерьма, коего много) это будет хорошо». Наташа встретила вернувшегося из поездке Одю на вокзале. По возвращении он вручил ей дневник, который вел в рейсе. Дневник этот вряд ли мог быть интересен Наташе в ту пору (ведь ни о ней, ни об их любви там не было сказано ни слова). Но в дневнике не говорилось ни о матери, ни о других близких людях или друзьях. Одя словно отстранился ото всей своей прежней жизни. Страницы дневника наполнены краткими и выразительными описаниями моря, корабельной жизни, но более всего – красками воды, неба, солнечного, лунного света; художник смотрит на мир глазами живописца, охваченного жгучим желанием передать все его многообразие и красоту. Ничто другое его как будто не интересует. В 1937 году Одя отправился в Ленинград. У его тетушки Ольги Васильевны родился сын, и Одя стал крестным отцом своего двоюродного брата – маленького Илюши. В Ленинграде Одя, как обычно, рисовал. Сохранилась очень выразительная акварель, очевидно, сделанная позже по наброску, – три фигурки, стоящие на остановке то ли трамвая, то ли троллейбуса.

Иногда мать Оди, находившаяся в ссылке за 101-м километром, нарушая паспортный режим, появлялась в Москве. В один из таких ее приездов Одя познакомил Наташу с матерью. Наталья Алексеевна рассказала автору этих строк: «Я и не знала, что Анна Васильевна в те годы подвергалась арестам и высылкам, помню только, что ее редкие приезды в Москву были окружены всегда какой-то тайной. Виделись мы с Анной Васильевной один раз в квартире на Плющихе. Одя представил меня матери, потом мы пили чай с вареньем, разговаривали. После этой встречи Анна Васильевна со свойственной ей сдержанностью сказала Оде о своих впечатлениях: “Эта девушка с изюминкой”. С изюминкой?.. Я тогда очень этому смеялась».

Срок высылки Анны Васильевны Книпер должен был закончиться в марте 1938 года. Новый год и Рождество мать с сыном решили встретить в Малоярославце, в доме Шаховских-Шик. Глава семьи, священник Михаил Шик, после возвращения из казахстанской ссылки прослужил всего три с половиной года, а затем ушел за штат. В 1931 году семья переехала в Малоярославец, где удалось купить домик. Отец Михаил сделал пристройку к дому и соорудил в ней домашнюю церковь. Сюда к нему, стараясь оставаться незамеченными, приезжали из Москвы; приходили и местные жители, в основном ссыльные, которые во множестве проживали в Малоярославце. В феврале 1937 года отец Михаил был арестован. Домашняя церковь, как ни странно, при аресте священника не была разорена чекистами. Время от времени приезжал и тайно служил здесь протоиерей Александр Гомановский³⁴.

После ареста отца Михаила, зарабатывавшего на пропитание семьи переводами, его жена Наталья (урожденная Шаховская) осталась с пятью маленькими детьми и шестью престарелыми бабушками и тетюшками на руках, без всякой помощи. Тогда никто, конечно, не мог и предположить, что трое из семьи будут вскоре расстреляны; один, священник Михаил Шик, – на Бутовском полигоне, двое других, 78-летний литератор Дмитрий Иванович Шаховской и его племянник, также литературный работник Федор Сергеевич Шаховской, – на другом подмосковном спецобъекте НКВД «Коммунарка».

В доме о. Михаила часто собирались ссыльные; это были, как правило, выходцы из дворянских семей, представители московской интеллигенции, духовенства и монашества. Заходил сюда иеромонах Вениамин (в миру Владимир Михайлович Эссен), профессиональный художник, племянник адмирала Эссена, при штабе которого служили когда-то С.Н. Тимирев и А.В. Колчак. Отец Вениамин снимал угол в доме на той же улице, где жила семья о. Михаила³⁵.

Целыми днями находилась у них и Анна Васильевна, уходя в дом, где она снимала комнату, лишь ночевать.

Приехавший перед Новым годом к матери Одя произвел неизгладимое впечатление на бабушек, тетюшек и пятерых детей семейства Шик, особенно на 10-летнего Дмитрия³⁶. Девочки, конечно, тоже были им очарованы. Мария Михайловна на склоне лет признавалась: «Я много лет думала, что Володя самый красивый юноша, какого я вообще на свете видела». В отсутствие главы семейства Шаховски-Шик жили еще более скудно, чем всегда, но умели порадовать многочисленных гостей недорогими блюдами собственного изготовления. В рождественских праздниках все – от мала до велика – принимали участие, для детей обычно устраивался спектакль, но в 1938 году во время приезда Оди спектакля не было. Зато все вместе, и хозяева и гости, делали игрушки для елки. Надо думать, что Одя, профессиональный «игрушечник», принял в этом занятии самое деятельное участие. Дмитрий Михайлович Шаховской вспоминает о вечере накануне Рождества: «Мы украшали елку в сочельник, накрывали скатерть на сено, на стол ставились маленькие ясли, для которых Анна Васильевна сделала младенца, не помню уж из чего, кажется, чуть ли не из хлеба слепила и высушила».

Сестрам Марии Михайловне и Елизавете Михайловне Шик запомнилось, как Одя водил вокруг елки хоровод из малышек, приглашенных на праздник. Он любил возиться с детьми, и дети его любили. Об Анне Васильевне Дмитрий Михайлович говорил: «Она была очень эффектная, настоящая дама... Держалась при этом она очень просто, была веселая, энергичная, все время что-то делала, какое-то художественное рукоделие»³⁷.

Мария Михайловна Шик вспоминает о встречах Анны Васильевны и Оди в Малоярославце: «Анна Васильевна была человеком очень выдержанным, очень спокойным, очень доброжелательным ко всем окружающим. Единственное, что заставляло ее напрягаться... это разговоры о Володе, о том, что он придет, что она его сможет увидеть... И он был так же выдержан, так же умел себя спокойно и с достоинством

Наталья Дмитриевна Шик (урожд. Шаховская) с детьми. Малоярославец, 1939

Дом семьи о. Михаила (Шика). Малоярославец, 1938

держат во всей нашей ему, в общем, не знакомой компании... Ни разу на публике, в присутствии других, я не видела, чтобы он подошел, приласкался к матери, или она к нему приласкалась. Оба держались очень выдержанно...»³⁸

Как рассказывала автору этих строк Наталья Алексеевна Кравченко, Одя незадолго до ареста говорил ей, что его настойчиво вербуют в органы НКВД. О том же писала и Анна Васильевна в письме, направленном в 1955 году на имя прокурора Московского военного округа из места очередного своего «минусового» проживания – города Щербакова (Рыбинска): «Сразу после получения им паспорта его (В. Тимирева – Л.Г.) начали вызывать в НКВД, неоднократно предлагая выполнять оплачиваемую работу по заданиям, когда же он отказывался – угрожали репрессиями. Не буду говорить, как это действовало на мальчика его возраста»³⁹. Одя говорил Наташе, что в «органах» его соблазняют службой в разведке, предлагают командировки в Италию, во Францию. Не понимая до конца всей серьезности ситуации, молодые люди, шутя, представляли себе их свидание в Париже. Не исключено, что Одя, сын адмирала-эмигранта, обладавший талантом художника, эрудицией, необыкновенно привлекательной внешностью, действительно, мог быть подходящей кандидатурой для работы за границей. Но он отказывался. Наташе он говорил: «Я хочу только рисовать, хочу быть художником». Одя снова предлагал любимой девушке руку и сердце, но она, смеясь, уклонялась от ответа. Особенно настойчиво он стал просить ее выйти за него замуж в начале 1938 года. «В его настойчивости, – вспоминает теперь Наталья Алексеевна, – было даже что-то настораживающее. Возможно, он боялся потерять меня и хотел связать наши судьбы более прочными узами. В один из мартовских дней, в саду на Николиной Горе я дала согласие стать его женой».

Последняя работа В. Тимирева («Ивы у реки») датируется мартом 1938 года, то есть она была сделана незадолго, может быть, за несколько дней до ареста.

Владимира Тимирева арестовали в Москве, в квартире на Плющихе в ночь с 20 на 21 марта 1938 года. При обыске было изъято «оружие»: «шпага – 1 штука, кинжал – 1 штука, пистолет кремневый – 1 штука», оставшиеся после отца, контр-адмирала С.Н. Тимирева⁴⁰. Работы художника, к счастью, не заинтересовали чекистов.

Через день после ареста сына, 23 марта была изготовлена справка на арест матери. В ночь с 24 на 25 марта Анну Васильевну Книпер также арестовали и поместили в КПЗ районного отделения НКВД Малоярославца. Одю доставили в Таганскую тюрьму. Через эту московскую тюрьму прошли почти все, кто были расстреляны на Бутовском полигоне. Февраль–март 1938 года были самыми зловещими в Таганской тюрьме по чудовищным избиениям, которые там были введены переведенным из Ленинграда Л.М. Заковским. Начальник УНКВД по Москве и Московской области Заковский требовал «бить морды при первом же допросе» и сам подавал в этом пример следователям. Заковский пробыл в Москве в должности заместителя Ежова всего три с половиной месяца, затем был арестован и расстрелян. Но при нем конвейер по истреблению людей работал безостановочно: на одном только Бутовском полигоне безвинно казнили за эти дни 6 089 человек. Первый ночной допрос, видимо, не принес желаемого результата. И через два дня Владимир Тимирев был поставлен на «конвейер» – непрерывный допрос, продолжавшийся трое суток: 24, 25 и 26 марта. В. Тимирев официально обвинялся по трем пунктам, каждый из которых мог закончиться расстрельным приговором: во-первых, он обвинялся в том, что переписывался с отцом-эмигрантом, контр-адмиралом С.Н. Тимиревым; во-вторых, в том, что он был «пасынком Колчака»; наконец в том, и это главное в деле, что Тимирев был немецким шпионом, завербованным Павлом Линком. Откуда же взялся этот Линк? Дело в том, что В. Тимирев сам назвал его имя в числе своих знакомых, арестованных НКВД. Немец по национальности, Павел Фердинандович Линк был соседом В. Тимирева по дому на Плющихе.

"УТВЕРЖДАЮ"

По линии 3 отдела

ЗАМ НАЧ УГБ УНКВД МО
Майор гос. безопасности
/КУЗОВИЧ/

20 марта 1938г.

С П Р А В К А
7 На арест/

ТИМИРЕВ Владимир Сергеевич, 1914г.р.о.д.,
м-ч г.Свердлов, в/с, русский, гр-н СССР, сын
дворянина. Отец в настоящее время находится на
службе в одной из воинских частей. Второй
отец /отца/ арестован в 1937г. - расстрелян.
Родная мать ТИМИРЕВ выслана.
Отец ТИМИРЕВ работает художником экспери-
ментальн. На-га Игрушка. Проживает: Владика Д.
31 кв.11.

ТИМИРЕВ В.С. - отец которого в 1918 году при оккупаци-
и японцами г.Владивостока эмигрировал в Японию и в настоя-
щее время состоит на службе японской армии - офицер ^{С.Т.И.} табо-
китане. Второй отец /отца/ ТИМИРЕВ В. С. - адмирал Колчак
при аресте которого была арестована и содержалась в Иркут-
ской тюрьме мать ТИМИРЕВА /жена Колчака/

После расстрела Колчака мать ТИМИРЕВА освобождена
прежними в гражданских прав. В данный момент мать ТИМИРЕВА
мать ИКШЕР вновь выслана из пределов г.Москвы.

Сын ТИМИРЕВ враждебно настроен против ~~коммунистической~~
Советской власти и руководств. партии. Имеет связь с эмигра-
цией, подозревается в шпионаже в пользу Японии.

На основании приказа Народного Комиссара Внутренних
Дел Союза ССР за № 00653 ТИМИРЕВ Владимир Сергеевич под-
лежит аресту.

ОПЕРАТИВНО-МОЩНЫЙ РО
орган гос. безопасности

"СОГЛАСНО":
НАЧ НЕВСКОГО РО УГБ УНКВД МО
действит. гос. безопасности:
НАЧ 3-го отд. УГБ УНКВД МО

РОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР 3

УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР ПО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ОРДЕР № 9337

Март 1938г.

Выдан сотруднику Оперативного отдела УГБ
равления НКВД СССР по Московской области

3. Морозову Артему (Обвекс) на производство
Тимирева Владимира Сергеевича

адресу: Мясницкая 9/31 кв.11

ПРИМЕЧАНИЕ. Все должностные лица и граждане обязаны оказывать
содействие тому, кому выдан ордер, по мере возможности для успешного
решения задачи.

Начальник 2-го отдела УГБ
Упр. НКВД СССР по МО

ардка: [подпись]

Справка на арест и ордер
из следственного дела В. Тимирева.
ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-27494. Л. 1 и 3

До 1932 года Линк работал шофером при герман-
ском посольстве и по этому случаю был объявлен
следствием немецким «резидентом». И.К. Сафонов
в очерке «Одя» пишет о Линке: «Среди его детей
был Кирилл – живой мальчишка, которому Одя по-
кровительствовал, – тот бывал у нас в гостях, а Одя,
соответственно, у него дома. Кирилл некоторое вре-
мя был в детской группе, которую организовала
и вела Анна Васильевна».

И хотя в следственном деле самого Линка нет даже
упоминания имени Тимирева, Одю обвинили в
том, что он был завербован Линком для немецкой
разведки. В обвинительном заключении по делу
В. Тимирева говорится: «По заданию ЛИНК –
ТИМИРЕВ, будучи участником Океано-Географи-
ческой Экспедиции, собирал и передавал ему
сведения о развитии рыбной промышленности,
состоянии рыбо-консервных заводов, судоверфей,

*Таганская тюрьма в Москве,
где находился под следствием Владимир Тимирев*

а так же производил зарисовки объектов рыбной промышленности»⁴¹. (Имеются в виду сделанные в экспедиции акварельные пейзажи.)

Для тех, кто ищет какого-то смысла в арестах и доносах, скажем, что сам «резидент» П. Линк был арестован по ошибке. Его арестовали по показаниям находившегося под следствием доктора-хирурга Блументаля. Вынужденный называть имена «сообщников», доктор назвал фамилию Линка, но не Павла Линка, которого он в глаза не видел, а некоего Игоря Линка, арестованного еще в 1933 году, – так проводилось следствие в те годы. Что ж удивительного? Уточнять и разбираться времени не было. Подписывали по пятьсот, по тысяче приговоров за вечер, разумеется, списками и даже целыми «альбомами». Вот и фамилия самого Тимирева на протяжении

следственного дела перевирается несколько раз: то он «Темерев», то «Тимирияев», то даже – «Тимирязев» и «Тимофеев». Это ведь мог быть совсем другой человек.

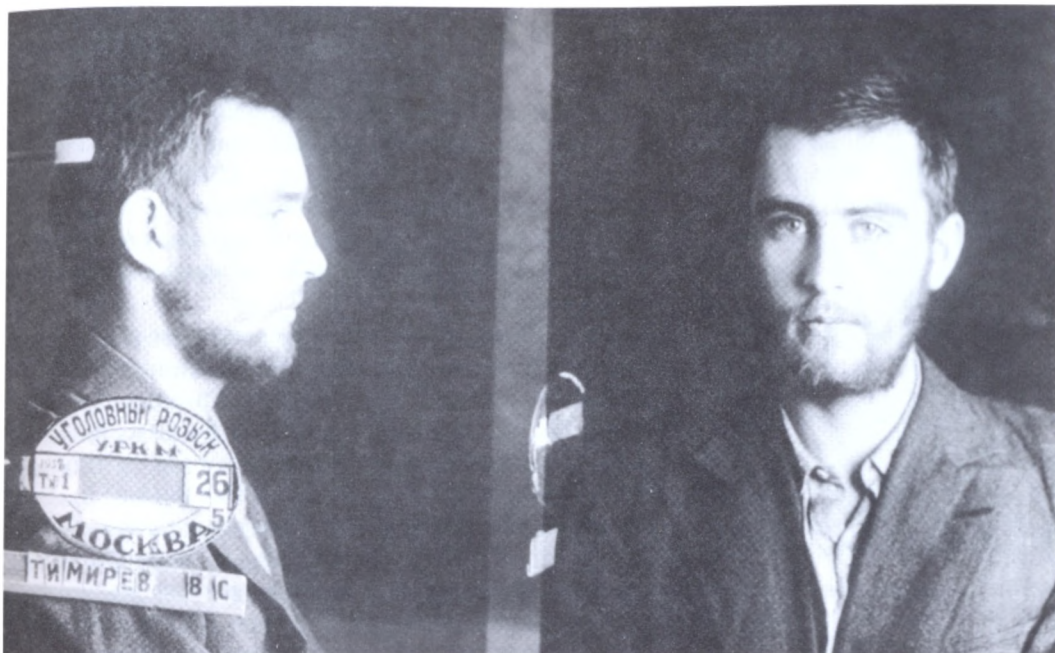
Кроме официальных обвинений, предъявленных Тимиреву, было, как мы знаем, еще одно, разумеется, не отмеченное на страницах следственного дела: упорный отказ Владимира Тимирева сотрудничать с органами НКВД.

Следователь вырвал у Тимирева признание в шпионаже. Тяжело думать о том, какой ценой были получены эти так называемые «признательные показания». Ведь Одя Тимирев должен был бурно сопротивляться наглой лжи, возводимой на него. Но обвинения в шпионаже, в отличие от обвинений в антисоветской агитации и контрреволюционной деятельности, в то время неизменно должны были завершаться признанием вины обвиняемым. Следователи обязаны были добиться этого любыми способами. И они добивались.

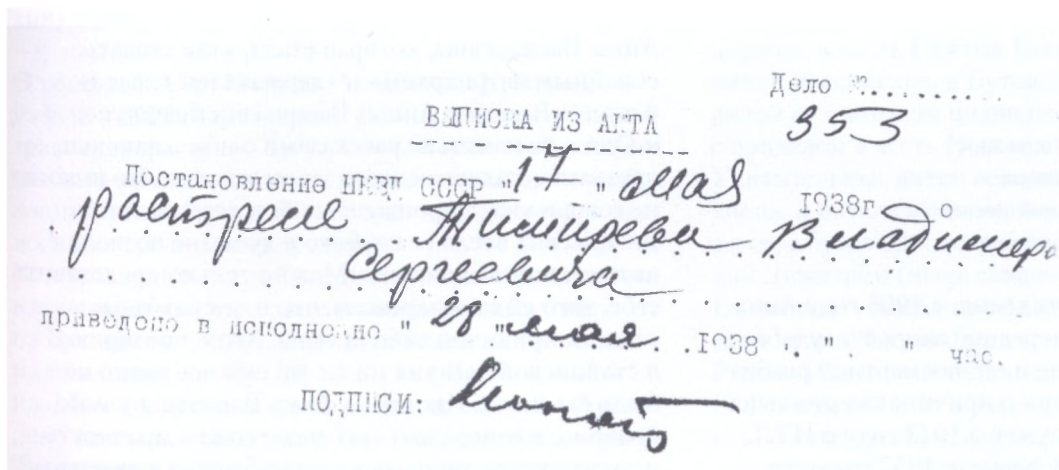
Решением Комиссии НКВД и Прокуратуры СССР (то есть наркома НКВД Ежова и Генерального прокурора Вышинского) от 17 мая 1938 года Владимир Тимирев был приговорен к высшей мере наказания. Среди множества фотографий людей, истерзанных и поруганных в тюремных застенках, всплывает одно лицо, которое после перенесенных страданий стало еще прекраснее, чем прежде, хотя и очень изменилось. Более всего изменился взгляд, прежде такой светлый, лучистый.

Слова бессильны передать бездонную неподвижную глубину, из которой глядит на нас этот вдруг возмужавший юноша. Именно таким художники Ренессанса изображали Христа накануне крестных страданий. Так смотрит на нас Одя с тюремной фотографии, сделанной в день вынесения смертного приговора... 28 мая 1938 года его расстреляли и вместе с другими убитыми бросили в заранее вырытый ров на Бутовском полигоне.

В эти весенние дни – 26, 27, 28, 29 и 31 мая здесь были безвинно казнены 1020 человек.

Фотография Владимира Тимирева,
сделанная в Таганской тюрьме перед расстрелом.
Май 1938

Выписка из акта о приведении
приговора в исполнение

Анна Васильевна, конечно, не знала о гибели сына. После 17 мая 1938 года ее перевели из малоярославецкого отделения НКВД, где, по ее собственным словам, к ней применялись «методы физического воздействия», в Бутырскую тюрьму. Там она пробыла около года. 3 апреля 1939 года постановлением ОСО при НКВД СССР ей было назначено очередное наказание: 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Она отбыла срок в Карагандинских лагерях полностью, что называется, «от звонка до звонка». Но это было не последнее ее заключение. В 1949 году ее снова арестовали и отправили в ссылку в Енисейск, затем она жила в «минусе» в Щербакове (Рыбинске) вплоть до 1960 года. Находясь в заключении и ссылках, Анна Васильевна разыскивала своего сына, который в 1938 году, как ей сказали, был приговорен к «10 годам без права переписки». Она еще не знала тогда, что это значит. Долгие годы Анна Васильевна жила надеждой на встречу с сыном:

За годами идут года,
Предназначенные судьбой.
Я не знаю, где и когда,
Но я все-таки встречу с тобой.

В другом стихотворении:

Где б ты ни был, но если жив,
Если ходишь ты по земле –
Путь к тебе найдет мой призыв
По туманной утренней мгле.

За четыре года до освобождения, в 1956 году Анна Васильевна в ответ на очередной запрос о судьбе сына получила извещение о его посмертной реабилитации. На вопрос матери о причине смерти сына последовал ответ, что он умер в 1943 году в ИТЛ. Заключение же КГБ от 8 февраля 1957 года для внутреннего пользования, на бланке, отпечатанном типографским способом, гласило: «Я, капитан

Корнеев, рассмотрев материалы архивно-следственного дела по обвинению Тимирева... НАШЕЛ... что Тимирев В.С. осужден 17-V-38 г. Постановлением НКВД СССР к ВМН, исполнено 28-V-1938 г. Руководствуясь указанием КГБ при СМ СССР № 108/сс от 24 августа 1955 года ПОЛАГАЛ БЫ зарегистрировать смерть осужденного, сообщив в ЗАГС о том, что Тимирев В.С., отбывая наказание в ИТЛ, умер 17 февраля 1943 г. от крупозного воспаления легких»⁴².

Лишь в 1960 году закончился срок «минусового» проживания Анны Васильевны в Рыбинске. Она вернулась в Москву на Плющиху, где жила ее сестра Елена Васильевна вместе с усыновленным ею племянником Ильей, родители которого умерли в ленинградскую блокаду. Елена Васильевна была художником, окончила Вхутеин, где занималась в мастерской К.С. Петрова-Водкина, в 1928–1935 годах сотрудничала в журналах «Чиж» и «Еж», дружила с «обериутами»⁴³. Вместе с ними в 1932 году она была арестована и выслана из Ленинграда, но вскоре освобождена. Она поселилась в Москве и начала работать в Детгизе, делала иллюстрации к детским книгам, воспитывала племянника.

И. Сафонов пишет в очерке «Одя» о возвращении Анны Васильевны, которая стала, «так сказать, семейным патриархом» и «держателем власти» в доме: «Вместе с Анной Васильевной вернулся и Одя – ее памятью, рассказами о нем... наконец, друзьями, ставшими здесь завсегдаями. Но никогда не говорилось о произошедшей трагедии, Анна Васильевна несла ее глубоко в душе, не позволяя выплескиваться наружу. Можно только представить себе, чего ей стоила мысль, что и ее судьба была отчасти причиной гибели сына. Хотя, повторяю, в сталинской казарме ни ей, ни ему все равно не было бы места. Иногда на Анну Васильевну, как правило, жизнерадостную, накатывали мрачность и замкнутость, такое чаще всего бывало в памятные Одины даты и когда обстоятельства слишком явно напоминали о сыне»⁴⁴.

Примерно в те же годы знавший отца Оди по эмиграции В.В. Романов писал Анне Васильевне, что С.Н. Тимирев до самой своей кончины в 1932 году в Шанхае «жил нежной мыслью о сыне своем», радовался, что тот оказался «не в потерявшей русское лицо эмиграции», а остался в России, где «он будет полезен»⁴⁵. Русский офицер, до конца борющийся с большевиками, все же не мог представить себе всей бездны зла, творившегося в России.

Анна Васильевна Книпер, мать Оди, умерла в 1975 году. Ее похоронили на Ваганьковском кладбище. Через пять лет скончалась ее сестра – Елена Васильевна, а в 1989-м умерла последняя из сестер Сафоновых Мария Васильевна. Ей в свое время удалось бежать из Кисловодска сначала в Италию, потом – в США, где она долгие годы успешно концертировала. Но даже до нее в Штаты дошли слухи о трагической гибели Оди; только почему-то говорили, что он был забит до смерти уголовниками в тюремной камере. Лишь в 1989 году, то есть спустя четырнадцать лет после смерти Анны Васильевны, в районный отдел ЗАГСа поступило предписание КГБ поменять причину смерти ее сына с «крупозного воспаления легких» на истинную – «расстрел».

О расстреле Оди Наталья Алексеевна Кравченко узнала в 2004 году во время съемок фильма «Я к вам травой прорасту...». А я узнала обо всей этой истории намного раньше – из следственного дела: при составлении Книги памяти «Бутовский полигон» оно попало мне среди тысяч других дел. Как-то в день памяти Оди, 28 мая Илья Кириллович взял с поверхности одного из погребальных рвов на Бутовском полигоне немного земли и перенес ее на семейную могилу Сафоновых на Ваганьковском кладбище. Спустя какое-то время здесь было установлено символическое надгробие Владимиру Тимиреву. Территория Бутовского полигона была открыта для посещения в конце 1993 года. В 1994 году на месте захоронения расстрелянных был установлен сначала

*Анна Васильевна Книпер (справа)
с племянником Ильей и сестрой Еленой в Московской
консерватории у портрета В.И. Сафонова.
Вечер памяти Василия Ильича. 1959*

Поклонный крест, около которого совершались поминальные службы, затем маленькая деревянная церковь в честь Святых Новомучеников и Исповедников Российских, в Бутове убиенных, а в 2007 году рядом с полигоном поднялся Воскресенский собор с приделом в честь Новомучеников.

Удивительные витки совершает история, соединяя концы и начала в единое неразрывное целое. Где-то здесь, в бутовских погребальных рвах лежит священник Димитрий (ныне священномученик Дмитрий Гливенко)⁴⁶. Когда-то он служил в Свято-Никольском храме Кисловодска – на родине матери Оди. Рядом с храмом находились семейные захоронения Сафоновых. После революции храм был разрушен, могилы разорены. Ныне на месте захоронений водружен крест и выстроен храм, освященный, как и в Бутове, в честь Новомучеников и Исповедников Российских...

Собор Воскресения Господня и святых Новомучеников и Исповедников Российских в Бутове. Слева от храма – Поклонный крест, привезенный с Соловков с Крестным ходом

Начиная с конца 1970-х годов имя художника Владимира Тимирева постепенно всплывает из небытия. Его работы экспонируются в Москве на выставках: «Художники первых пятилеток», «Памяти жертв сталинских репрессий», «Художники 30-х годов». В 1983 году в Доме художника на Кузнецком Мосту проходит вечер его памяти и однодневная выставка. В октябре–ноябре 2003 года состоялась персональная выставка В. Тимирева в Мемориальном научно-просветительском центре «Бутово»⁴⁷. Через год, 4 октября 2004 года, в Доме Русского Зарубежья прошел вечер, посвященный 90-летию со дня рождения художника, и был показан документальный фильм

«Я к вам травкою прорасту...». Более семидесяти работ Владимира Тимирева ныне хранятся в музеях, акварели из Нукуса экспонируются на зарубежных выставках. В связи с появлением имени В. Тимирева в печати и на экране вновь зазвучала тема доноса, по которому, как считала Анна Васильевна, был арестован и погиб ее сын. «Впрочем, и без доноса вряд ли бы Одя уцелел в дальнейшем, – пишет Илья Кириллович Сафонов в очерке «Одя», – яркий, талантливый, независимый, да еще сын такой матери – репрессии против него были лишь делом времени»⁴⁸.
Надо сказать, что в следственных делах доносы, и анонимные, и подписанные авторами, не такая уж

редкость. Но в деле Владимира Тимирева доноса нет. Обвинение в шпионаже в пользу Германии было, конечно, чистым вымыслом следователей. Но вот дворянское происхождение В. Тимирева, переписка с отцом-эмигрантом, упорный отказ сотрудничать с НКВД – это реальные основания для репрессий. А еще и мать, близость ее к Колчаку...

Возможно, когда-нибудь в будущем обстоятельства этого дела прояснятся, и мы узнаем правду. Но у искусства своя правда – и она перед нами... В стороне от всяческой суеты, как и прежде, плывут по водам тимиревские лодки, рыбаки тянут сети, высоко вздымаются прозрачные, зеленоватого цвета волны. Покой, свет, тишина...

1 Парафраз из стихотворения матери Владимира Тимирева Анны Васильевны Книпер «Застольная»:

И за то, что все же ты отмечен,
Что ты взыскан горькою судьбой,
Будем пить в сегодняшнюю встречу,
Будем молча пить, мой дорогой!

Впервые в сб.: «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». Сост. Т. Павлова, Ф.Ф. Перченко, И.К. Сафонов. М.: Прогресс, Традиция, Русский путь, 1996. Анна Васильевна всю жизнь писала стихи. Наиболее полно они представлены в кн.: *А.В. Книпер. «...Не ненавидеть, но любить»*. Стихи. Воспоминания. Сост. И.К. Сафонов, Б.А. Горзев. Кисловодск: Театр-музей

«Благодать», 2003. Подборка стихов Анны Книпер-Тимиревой опубликована также: *Поэзия узников ГУЛАГА. Антология.*

Сост. С.С. Виленский. М.: Международный Фонд «Демократия», 2005.

Здесь и далее стихи А.В. Книпер приведены по книге «...Не ненавидеть, но любить».

2 Подробное изучение рода Тимиревых провел исследователь из Санкт-Петербурга Л.П. Беляков. Очерк «Два века на службе Отечеству: вехи судьбы семьи Тимиревых» напечатан небольшим тиражом в С.-Петербурге в 2004 г.

3 В 1843 г. Иван Алексеевич Вышнеградский поступил в Тверскую духовную семинарию, но вскоре оставил ее и в 1846 г. поступил на

физико-математический факультет Петербургского Главного педагогического института. Он стал одним из основоположников теории автоматического регулирования. Позже он проявил также и незаурядный административный талант, возглавив Министерство финансов в правительстве Александра III, где осуществил весьма важные для России реформы финансовой системы.

4 *Илья Сафонов. Одя. История одной недолгой судьбы // Новый мир. 1997. № 6. С. 152–158.*

5 *Илья Сафонов. Семья // А.В. Книпер. «...Не ненавидеть, но любить»*. Стихи. Воспоминания. Кисловодск: Театр-музей «Благодать», 2003. С. 62

6 Подробнее о В.И. Сафонове см. в воспоминаниях: *А.В. Книпер*

- «Дом, семья, детство» (впервые: *А.В. Книпер*. Фрагменты воспоминаний. Минувшее 1. Париж: Atheneum, 1986. Репринтное воспроизведение: М.: Прогресс, Феникс, 1990; в сборниках «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...» и «...Не ненави́деть, но любить»), также в книгах: Василий Ильич Сафонов. К 150-летию со дня рождения. Материалы научной конференции. М., 2003. (Научные труды Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского. Сб. 49) и *Б.М. Розенфельд*. Малознакомый Кисловодск (глава «Дом, наполненный музыкой»). М.: Гелиос АРИ, 2005.
- 7** Дети Сафоновых: Анастасия (1883–1898) и Александра (1885–1898), разносторонне талантливые девочки, почти одновременно умерли от болезней в юном возрасте в Москве; Илья (1887–1931), виолончелист; Сергей (1889–1915), военный, умер в Кисловодске от ран, полученных на войне; Иван (1891–1955), скрипач, педагог; Анна (1893–1975); Варвара (1895–1942), пианистка, художница, умерла в Ленинграде во время блокады; Мария (1897–1989), пианистка, художница, жила и умерла в США; Ольга (1899–1942), художница, умерла в Ленинграде во время блокады, Елена (1902–1980), книжный и театральный художник. Подробнее о них см. в кн. «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...», а также в статье И. Сафонова
- «Семья» в кн. «...Не ненави́деть, но любить».
- 8** *Илья Сафонов*. Одя. С. 153.
- 9** Сергей Николаевич Тимирев – автор книги «Воспоминания морского офицера. Балтийский флот во время войны и революции (1914–1918 гг.)». М.: Авнар, 1993.
- 10** Генерал П. Бержерон (генерал без армии) – член военно-разведывательной миссии французского генерала М. Жанена. Цит. по: *Александр Липков*. «Я к вам травую прорасту...». Роман свидетельств // Континент. 2005. № 123. С. 15.
- 11** См. черновики писем А.В. Колчака к А.В. Тимиревой в сб. «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...».
- 12** Цит. по: *А.В. Книпер*. Фрагменты воспоминаний // Минувшее 1. С. 99.
- 13** Владимир Оскарович Каппель, генерал-лейтенант (1883–1920), один из руководителей Белого движения в Сибири. Погиб при отступлении белогвардейских войск от Иркутска.
- 14** Воспоминания «С Александром Васильевичем Колчаком» впервые опубликованы в историческом альманахе «Минувшее»: *А.В. Книпер*. Фрагменты воспоминаний // Минувшее 1. С. 142. Напечатаны также в сборниках: «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...» и «...Не ненави́деть, но любить».
- 15** «Минус», «минусовое проживание» – запрещение на определенный срок проживания в крупных городах, числом от трех до ста.
- 16** «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 294, 296.
- 17** Всеволод Константинович Книпер (1888–1942) – инженер-строитель. Данных о нем очень мало. Работал на железных дорогах и на строительстве гидросооружений. Умер в Москве.
- 18** Густав Шпет (1879–1937) – русский философ, психолог, теоретик искусств, переводчик, владевший семнадцатью языками. Был арестован в 1935 г. по ст. 58-10, 11 УК РСФСР, выслан в Сибирь. Там в 1937 г. вновь арестован и 16 ноября 1937 г. расстрелян.
- 19** *Александр Липков*. «Я к вам травую прорасту...». С. 27.
- 20** *Татьяна Мельникова*. Таруса – 101-й километр. М.: Возвращение, 2007. С. 42, 44.
- 21** Цит. по: «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...».
- 22** *Макс Бирштейн*. Жизнь и картины. М.: Галарт, 2000. С. 151.
- 23** В этом доме № 6 по Чистому переулку установлена памятная доска в честь жившего там в 1915–1940 гг. художника А.И. Кравченко.
- 24** Кроме собственных членов семьи – двух дочерей (одна из них была дочь Алексея Ильича, родившаяся до его женитьбы на Ксении Степановне), жены, двух бабушек и деда художника, в семье проживала старушка из разоренной богадельни, которую попросила приютить К.С. Кравченко.
- 25** *Александр Липков*. «Я к вам травую прорасту...». С. 19, 41.

- 26** Документы за этот период не сохранились, но о том, что В. Тимирев был членом Союза художников, есть упоминание в его следственном деле 1938 г. Возможно, имеется в виду Горком графики, который в быту также называли Союзом художников (ГА РФ. Ф. 10035. Д. П-27494. Л. 5).
- 27** Московский институт изобразительных искусств после нескольких преобразований с 1948 г. стал именоваться: Московский государственный художественный институт им. В.И. Сурикова (МГХИ, ныне МГАХИ им. В.И. Сурикова).
- 28** Брат Макса Бирштейна Яков Авадьевич Бирштейн (1911–1970), профессор университета, зоолог-эволюционист, специалист по океанической и пещерной фауне, зоогеограф и палеонтолог. Лев Александрович Зенкевич (1889–1970), ученый-океанолог, биолог, специалист в области зоологии беспозвоночных.
- 29** Иван Илларионович Месяцев (1885–1940), зоолог, в 1929–1932 зав. кафедрой зоологии беспозвоночных в МГУ.
- 30** *Макс Бирштейн. Жизнь и картины.* С. 38-40.
- 31** Там же. С.151.
- 32** Обречены по рождению... По документам фондов Политического Красного Креста. 1918–1922. Помощь политзаключенным. 1922–1937. СПб.: Изд-во журнала «ЗВЕЗДА», 2004. С. 338.
- 33** Юрий Николаевич Феоктистов – художник. Дважды привлекался по ст. 58 УК РСФСР. Был осужден на 8 лет ИТЛ. В годы Великой Отечественной войны попал в штрафной батальон, остался жив. После войны женился на рижанке, поселился в Риге, где стал главным художником Рижского драматического театра.
- 34** Протоиерей Александр Гомановский (в тайном постриге иеромонах Даниил) после семи лет заключения с 1935 г. жил в Калязине и Подмосковье, затем – нелегально в Москве. В 1941 г. был арестован и погиб в лагере.
- 35** Иеромонах Вениамин (в миру Владимир Михайлович) Эссен был арестован при облаве в Москве, где не имел права находиться. Расстрелян на Бутовском полигоне через шесть дней после ареста Владимира Тимирева – 4 июня 1938 г. (ОСФ ИЦ ГУВД по МО. Ф. 189. Д. СО-44616).
- 36** Дмитрий Михайлович Шаховской – ныне известный скульптор, Народный художник России. В середине 1990-х гг. по его проектам на Бутовском полигоне были воздвигнуты Поклонный крест (освящен в 1994 г.) и деревянная церковь в честь Святых Новомучеников и Исповедников Российских (освящена в 1996 г.).
- 37** *Александр Липков.* «Я к вам травую прорасту...». С. 18–19.
- 38** Там же. С. 21.
- 39** ГА РФ. Ф. 10035. Д. П-27494. Л. 16.
- 40** Там же. Л. 4.
- 41** Там же. Л. 12.
- 42** Там же. Л. 51 и об., 16 об.–17.
- 43** Обериуты (обэриуты) – члены ОБЭРИУ (Объединение Экспериментального Реального Искусства), группа писателей и деятелей культуры, существовавшая с 1927-го до начала 1930-х гг. в Ленинграде. В группу входили Даниил Хармс, Александр Введенский, Николай Заболоцкий и др. К обериутам был близок ряд философов и художники Казимир Малевич, Павел Филонов и некоторые из их учеников.
- 44** *Илья Сафонов.* Одя. С. 156.
- 45** «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 115–116.
- 46** Отец Димитрий Гливенко с 1901 г. был священником Свято-Никольского храма в Кисловодске; после закрытия церкви служил в храме Пятигорска; во второй половине 1930-х гг. переехал в Подмосковье, стал иереем Троицкой церкви с. Карачарова (ныне в черте Москвы). В январе 1938 г. его арестовали и 22 марта 1938 г. расстреляли на Бутовском полигоне. В 2001 г. о. Димитрий был прославлен в лике святых. (Подробнее о нем см.: <http://www.pstbi.ru>)
- 47** На открытии выставки Владимира Тимирева Илья Кириллович Сафонов подарил для храма Святых Новомучеников и Исповедников Российских в Бутове икону св. благоверного князя Владимира – крестильную икону Оди. Перед этим образом впервые была отслужена панихида по убиенному.
- 48** *Илья Сафонов.* Одя. С. 154.

*Владимир Тимирев с Таней Александровой на пароходе.
(Публикуется впервые)*

ХУДОЖНИК

ВЛАДИМИР ТИМИРЕВ

Природа, создавая этого талантливого художника, была щедра, не предполагая, что люди безжалостно оборвут эту молодую жизнь в расцвете сил. От совершенного внешнего облика Владимира Тимирева, от общения с ним веяло редкостным благородством, доброжелательностью — об этом потом всегда рассказывали друзья. Улыбка на его фотографиях чрезвычайно открытая, прямодушная. Невольно вспоминается одно из писем Ван Гога к брату, где он пишет об очень важном, по его мнению, качестве, прежде всего необходимом художнику, — это теплота по отношению к людям¹.

Судьба отпустила Тимиреву для творчества всего несколько лет, и как бы предчувствуя это, художник работает необычайно интенсивно. Но иногда то, что называется итальянскими словами *non finito*, дает зрителю новую работу для воображения. Он пробует силы в разнообразных видах изобразительного искусства: пишет акварелью и маслом, делает книжные иллюстрации, выполняет театральные зарисовки (в одной из газет печатаются его наброски, сделанные во время балетной премьеры «Пламя Парижа»). Вплоть до ареста художник активно сотрудничает с Научно-экспериментальным институтом игрушки в Загорске (ныне город снова стал именоваться Сергиевым Посадом). Здесь Тимирев выполняет несколько трудоемких многофигурных композиций из различных материалов, преимущественно из дерева.

Осталось также не исполненным в материале множество эскизов для различного рода игрушек.

Кроме этого, от института океанографии он был в двух научных экспедициях на Каспийском море, откуда привез много самостоятельных станковых рисунков и акварелей. И это несмотря на то, что во время второй экспедиции художник плавал на своем судне в качестве начальника рейса. Практически работы Тимирева представляют собой багаж зрелого художника, а не юноши, расстрелянного в 23 года. Из его ранних произведений сохранилась акварель, выполненная в четырнадцатилетнем возрасте и подписанная «Одя Тимирев». Рисунок сделан в так называемой Белой книге (собрание Е.А. Поленовой). Дети художника Василия Дмитриевича Поленова предлагали гостям передать свои впечатления от пребывания в усадьбе, построенной в конце XIX века на Оке в 130 километрах от Москвы. В 1927 году после смерти В.Д. Поленова здесь возник государственный музей. Но в Бехове, как долгое время называлось теперешнее Поленово, жили многие из гонимых и позже расстрелянных или репрессированных советской властью людей, до поры до времени спасавшихся в этой «минусовой зоне».

Одя изобразил основной «Большой дом» вечером: гостеприимный, освещенный огнями, чем-то похожий на корабль. Этот рисунок — прощальный, рядом с ним — запись его матери Анны Васильевны: «Попаю сюда случайно, я жила здесь поневоле и вот, уезжая,

Одя с матерью в Бехове

с болью оставляю здесь кусок своего сердца. А. Книпер 1925–28 годы». Запись датирована 6 сентября 1928 года. Это означает, что три года подряд Одя-подросток приезжал сюда и в Тарусу, где официально разрешалось жить его гонимой матери.

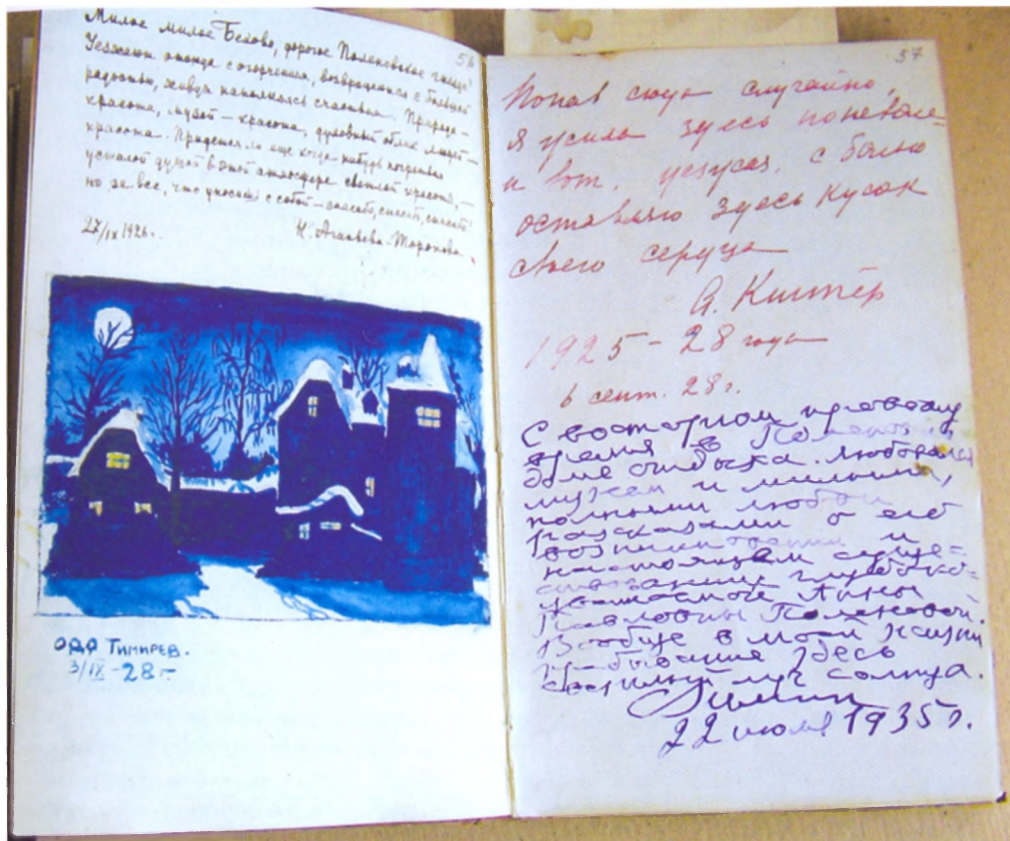
В Поленове существовал театр – традиция сохранилась со времен дружбы Поленова с Саввой Мамонтовым. Одя играл сначала в спектакле «Аладдин и волшебная лампа». А потом Тимирев, вместе с младшей дочерью строителя и основателя дома-музея Натальей Васильевной Поленовой, пишет текст, а также оформляет пьесу-шарату с длинным шутивным названием «Чертова подкова, или О том, как рыцарь Домар странствовал по свету в поисках утерянной

подковы своего коня Овохеба». («Овохеб» – перевернутое название усадьбы Бехово). Здесь шел рассказ о превратностях судьбы чудом уцелевшей в советское время усадьбы, когда некоторое время ее спасал Большой театр².

Одя исполнил в спектакле одну из главных ролей – путешественника Кираго. Анна Васильевна также играла в спектаклях и помогала писать декорации. Рисунок Оди 1928 года во многом символизирует неосознанную тоску по собственному дому, к тому же здесь, помимо яркого образного видения, уже проглядывает умелое обращение с материалом, конструкцией. Эти качества органично перейдут в последующие работы Тимирева. Подобный, осуществившийся без потери детской непосредственности, естественный переход не так уж часто имел место в истории искусства, особенно в эпоху ломки художественного образования, которая происходила как раз в годы взросления Оди. К ранним его работам начала 1930-х годов относится также серия пейзажей, выполненных масляными красками в окрестностях Кисловодска, через небольшие, во многом фрагментарные мотивы природы в этюдах ярко проявилась целостность охвата мира, так свойственная Оде.

Тимирев как художник формировался в нелегкое для профессиональной школы время. Были закрыты лучшие, получившие мировое признание художественные вузы 1920-х годов – знаменитые Вхутемас и Вхутеин, в 1932 году специальным постановлением были запрещены все художественные группировки, а через два года провозглашен как единственно верный метод – метод социалистического реализма.

В практике обучения молодых художников происходит возврат к омертвевшему натуралистическому «срисовыванию» природы, усиливается яростный идеологический нажим, делается акцент на фальшивую по сюжету тематическую картину и т.д. Такая подготовка лишь плодила раблепствующих перед тоталитарным режимом ремесленников, постепенно утрачивающих интерес к искусству и видящих в нем лишь средство к заработку. В это время формируется так называемый

Белая книга. Слева – рисунок 14-летнего Оди Тимирева.
 На правом листе – запись Анны Васильевны о пребывании
 у Поленовых

бригадный метод, когда студенты, вместо своего художественного руководителя, но за его подписью, писали громадные картины, разумеется, славящие власть.
 Парадоксально, но избежать всего этого Тимиреву, возможно, помогло происхождение: сын эмигрировавшего контр-адмирала и возлюбленной расстрелянного Колчака не мог пытаться поступить в главные художественные вузы типа Московского художественного

института, где при переходе в новое профессиональное состояние как раз по большей части и происходила потеря детской непосредственности, органичного видения. А если бы даже Тимирев и поступил в такой вуз, то потом бы его скорее всего исключили, поскольку даже в процессе обучения регулярно проводились так называемые «чистки» студентов по принципу сомнительного, с точки зрения советских чиновников, социального происхождения.

*Театр в Поленове.
В центре – 12-летний Одя Тимирев. 1926*

В 1929 году 15-летний Одя вместе со своим другом и одноклассником Максом Бирштейном поступил во второстепенный, стоявший, можно сказать, на обочине художественной жизни архитектурно-строительный техникум, где, как вспоминал позже Бирштейн, вообще мало чему учили.

Таким образом, врожденный талант Оди, целостность и непосредственность его дарования, с годами окрепнув, естественно перерастали в новое художественное качество. А если что-то он и усвоил во время учебы, то это были чисто ремесленные навыки обращения с макетами, материалами. С детства он видел, как его мать постоянно мастерила для заработка какие-то изделия прикладного искусства. Имея в руках основы владения ремеслом, Одя смог сохранить столь важное для художника свежее, подчас наивное и целостное художественное мировосприятие. После окончания техникума в 1931 году Одя Тимирев поступает в архитектурно-строительный (с 1933 года архитектурно-конструкторский) институт. Но, проучившись всего три семестра, Владимир

в 1933 году оставляет институт. Есть сведения, что он оставил институт в связи с переходом в другой ВУЗ. Но истинные причины ухода Оди из института неизвестны. Мы можем строить лишь различные предположения, поскольку в другой вуз он не пошел. Либо он ушел в преддверии грядущей чистки студентов по социальному происхождению, столь губительной для него, либо Одя не нравился уклон в сторону архитектурного конструирования.

В 1932 году Одя начинает заниматься в частной студии художника Алексея Кравченко, который учил артистичному владению рисунком.

Во время первой поездки по Каспию 1935 года Одя выполнил столько работ, что хватило на выставку, которую они с Максом Бирштейном устроили в Институте океанографии зимой того же года. Чудом сохранившийся дневник второй экспедиции по Каспию, предпринятой через два года, показывает его чрезвычайную требовательность к себе: он доволен лишь небольшим количеством рисунков и акварелей.

Работая во время сильного волнения на море, Тимирев пишет в дневнике о своем стремлении противостоять обстоятельствам и «нащупать новенькое», сознательно избегая при этом столь легко достижимых банальных морских красот, «дешевенькой экзотики», представителем которой он видит даже А. Куинджи.

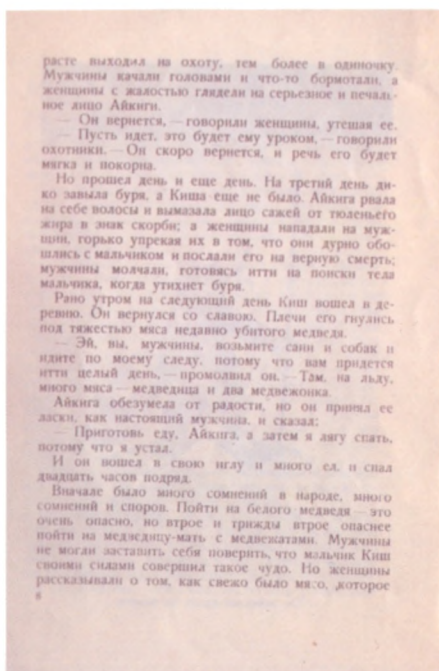
Естественно, мы не можем узнать из этих записей о взаимоотношениях Оди с советской властью. Из того, что он читает, возникает некая двойственность: с одной стороны это «Смерть Вазир-Мухтара» Ю. Тынянова, где так или иначе ставится вопрос о судьбах русской интеллигенции в России, а с другой – «Поднятая целина» М. Шолохова. Чтение последней книги показывает, что молодой человек хочет понять советскую действительность, вписаться в нее. Записи сделаны летом 1937 года; Одя проявляет здесь осмотрительность – в дневнике нет ничего такого, что чужой глаз мог бы использовать против автора. Молодой художник, как и многие его современники, вынужден это учитывать.

Вечерний пейзаж. 1930-е

Любимый, часто встречающийся в каспийских акварелях мотив – парусный корабль, который борется с морской стихией. Этот сюжет для художника, сына морского офицера, во многом стал символом свободы. Так эти изображения воспринимаются сейчас. Как известно, смена материала обостряет видение каждого художника, и Тимиреву были по душе такие

перемены — это можно видеть в его опубликованных в 1936 году иллюстрациях к книге Джека Лондона «Сказание о Кише». Рисунки стали пластической параллелью тексту – они не столько рассказывают о событиях книги, сколько предельно органично, ненавязчиво показывают отдельные сюжеты в пространственно-временном контексте книги.

Обложка и разворот книги, иллюстрированной В. Тимиревым.
Джек Лондон «Сказание о Кише»

Все работы Владимира Тимирева: будь то акварель, этюд маслом, книжная иллюстрация или деревянная игрушка, отличает основательность, подобная работам «малых голландцев», столь редкая в XX веке привязанность к простым, неискаженным основам жизни, дававшая молодому художнику ощущение надежности. Можно сказать, что в его работах особенно подчеркнут мирозозидающий аспект бытия. В то же время обаяние предметов, им созданных, заключалось и в том, что они несли в себе ощущение подвижности, динамичности.

Эта привязанность к миру, природная доброжелательность находит один из творческих выходов в создании параллельного мира, мира игры. Работа

над игрушками составляет совершенно особую часть его наследия.

Роль игрового начала в XX веке усиливается. Можно вспомнить известного философа XX века Й. Хейзингу, развившего после романтиков теорию игры. Его книга «Homo ludens» («Человек играющий») выходит в год гибели Оди. Если Ф. Шиллер считал игру восстановлением физических и душевных сил, то Хейзинга, учитывая реалии нового времени, высказывался об игре как о высшем проявлении человеческой сущности³. В России ОГПУ вело свои игры. Когда вокруг накаляется обстановка ненависти, идет поиск врагов, регулярно печатаются отчеты о массовых процессах-расправах над людьми, молодой художник на корот-

кое время все же обретает творческую защиту среди сугубо мирной работы внутри игрового пространства. Не зная о том, что происходит вокруг, сын белоэмигранта не мог.

Работа Тимирева в Институте игрушки, где получали заказы многие замечательные художники, находившиеся вне «настоячивого оптимизма» советского официоза, была связана с очередным историческим парадоксом: сотрудники художественно-педагогического музея игрушки (продолжающего и сейчас существовать в Сергиевом Посаде) спустя долгие годы пишут о 1930-х годах как о периоде расцвета народных промыслов. Какому-то высокому начальнику в Москве пришло в голову, что экспорт возрождаемой народной игрушки может быть очень доходным для страны. Именно в 1930-е годы, когда был окончательно разрушен традиционный уклад жизни, вышло несколько постановлений о развитии игрушки как промысла, на это выделялись деньги, предполагался большой экспорт. Владимира Тимирева берут в штат Научно-экспериментального института игрушки. В сохранившихся эскизах можно видеть, как изобретательно трансформируются художником традиции существующего с XVIII века народного промысла деревянной игрушки села Богородское, находящегося неподалеку от Сергиева Посада. Владимир Тимирев изобретает новые формы, где творчески сопрягаются как традиционные, так и современные конструктивные элементы; выглядит это соединение достаточно органично – возникает образная структура этих двигающихся трансформеров, которая и теперь смотрится современно. Тимиреву удалось воплотить лишь малую часть своих замыслов; осталось много эскизов игрушек – лаконичных, простых, но необычайно выразительных. Например, изображение индейца, плывущего в длинной пироге, или всевозможной домашней живности: хлопающей крыльями курицы, летящего гуся и других. Во всех этих эскизах в той или иной степени предусмотрено движение, ведь оно всегда присутствовало в богородской игрушке.

Игра «Поймай рыбку»

Композиция «Парк культуры и отдыха». Фрагмент

Обложка каталога Музея игрушки в Сергиевом Посаде с фрагментом работы В. Тимирева

Иное дело многофигурные композиции. Здесь можно проявить больше фантазии, ведь в народных игрушках не встречаются столь масштабные образцы, где задействованы были бы десятки или больше сотни фигур и предметов.

Редким покоем и гармонией дышит многофигурная композиция, посвященная одному из северных народов — ненцам, столь близким к природе, живущим среди олсней и собак. Владимир режет из дерева и раскрашивает эту замечательную группу, которую как лучшую даже помещают на обложке буклета «Советская игрушка». Очень выразительны здесь сани, дети, похожие на пирамиды жилища ненцев — чумы. Величиной всего в несколько сантиметров, они монументальны по сути и потому могут при воспроизведении выдержать значительное увеличение.

Самая большая объемная композиция, выполненная художником для загорского Института игрушки, состоит из 186 (!) предметов, больше половины которых выточена из дерева. Казалось бы банальнейшая тема — советский парк культуры и отдыха. Но это целое поселение выполнено с большим тщанием и любовью, с чувством материала: бьют фонтаны, вертятся карусель и «чертово» колесо. Более двадцати фигурок высотой около семи сантиметров располагаются среди множества построек: театра с крытой эстрадой, величественной колоннады, напоминающей античные постройки. Во всем этом живет не только художническая наблюдательность, но и ощущение живого пульса бытия, любовь к мельчайшей детали, вроде цветов на окнах кафе или шланга для полива газона⁴.

Следуя за блестящей игрой воображения художника, зритель начинает понимать, что кропотливая работа с этими многочисленными предметами помогала В. Тимиреву восстанавливать гармонию, взаимодействие с миром. Через создание органичного игрового пространства своих многофигурных композиций художник мог выразить многое.

Долгое время наследие, оставленное одаренным юношей, было никому неизвестно — оно хранилось у родных художника, а часть игрушек находилась в фондах загорского Музея игрушки.

Первым человеком, который решил приобрести для музея станковые работы (причем лучшие!) из наследия Владимира Тимирева, был легендарный Игорь Витальевич Савицкий. Легендарный потому, что он был первым из «музейщиков», кто в период «застоя» обратил внимание на, казалось, уже забытое неофициальное искусство 1920–1930-х годов.

Хранители работ, созданных в те далекие годы (как правило, это были близкие и друзья художников), уже перестали верить, что сбереженное наследие может понадобиться музеям. Не смущало даже то, что музей, носящий теперь имя Савицкого, находится далеко от больших культурных центров в городе Нукусе в Узбекистане. Как верно сказала

помогавшая энтузиасту художница Ирина Коровай: «Савицкий просто стремился собирать хороших художников, но оказалось, что почти все они были репрессированы».

Ныне в городе Нукусе в Музее Искусств Республики Каракалпакстан им. И.В. Савицкого хранятся 52 работы Владимира Тимирева. Уже в последние десятилетия произведения погибшего художника приобрели или приняли в дар от его двоюродного брата Ильи Сафонова Государственная Третьяковская галерея, Государственный музей изобразительных искусств им. Пушкина, Пермская художественная галерея, собрание общества «Мемориал». Прошло несколько небольших выставок. В художественном наследии Оди Тимирева – сама свежесть восприятия мира и оно, это наследие, постепенно становится все более известным.

Для одних он безвинно убитый, среди миллионов жертв Абель, для других – обаятельный светлый человек и художник с ярким и полным положительной энергии позитивным отношением к миру.

Двадцатитрехлетний, он был как художник скорее зрелым, чем наивным, в нем присутствовал огромный запас этической и профессиональной прочности.

Нелегко вспомнить в истории отечественного искусства XX века столь короткую и трагическую творческую судьбу. Ее можно сравнить, в какой-то мере, лишь с яркими эскизами к интересной, но незаконченной картине – развитие замысла прервано внезапно. Ближайшие аналогии – незавершенные судьбы погибших во время войны ровесников Оди – одареннейших Никиты Фаворского, Игоря Полякова и других. Но они были все же старше Оди.

Рассказы об удивительной личности, редком по чистоте художнике и человеке Владимире Тимиреве его друзья и близкие передают дальше, следующим поколениям. О нем знают, его любят и помнят дети, внуки друзей. Тем, кто хотя бы однажды на фотографии увидел Одю, трудно забыть это светящееся добротой и умом, притягательное мужественное лицо, его полные новой романтической энергией работы.

1 Ван Гог. Письма. М., 1994. Т. 1. С. 274.

2 После революции дом художника В.Д. Поленова находился в самом бедственном положении; он постепенно разрушался. Но с середины 1920-х годов Большой театр стал использовать часть усадьбы как место отдыха для своих артистов. В результате появились средства для поддержания музейного дома.

3 Йохан Хейзинга. Homo ludens. Опыт определения игровых элементов культуры. Haarlem. М.: Прогресс, 1992.

4 В состав «учебно-дидактической» игрушки «Парк культуры и отдыха» входили: башня для прыжков с парашютом, садовые скульптуры, пруд с цветными лодочками на нем, лавки, скамейки, будка для кассы и сидящая в ней кассирша, автокран, пароход

на реке, газоны, деревья, отдельно – кафе, состоящее из 50 предметов: крошечной посуды, столов, стульев. Самые разнообразные персонажи дополняли композицию: почтальон, мороженщица, милиционер в белом кителе, пожарный, летчик, матросы, шахтер, красноармеец с винтовкой, нарядные мужчины, женщины, футболисты! И все это было выполнено вручную из металла, дерева, ткани и проч.

*Владимир Тимирев. 1935.
(Публикуется впервые)*

О РАБОТАХ ВЛАДИМИРА ТИМИРЕВА В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСКУССТВ РЕСПУБЛИКИ КАРАКАЛПАКСТАН ИМ. И.В. САВИЦКОГО

Творческий облик художника Владимира Тимирева еще только создается. Погибший в молодом возрасте, он, однако, оставил довольно большое количество произведений. Чудо, что работы сохранились, учитывая, какой трагический конец был уготован художнику. Рассеянные теперь по музеям произведения, возможно, когда-нибудь будут объединены в каталоге или персональной выставке. Для исследователей же это богатейший материал.

В коллекцию Музея Искусств Республики Каракалпакстан имени И.В. Савицкого¹ вошли 52 графических произведения Тимирева. Савицкий, известный своим даром чудесной проницательности и тонким художественным вкусом, обратил внимание на рисунки Тимирева и взял как всегда все, что было возможно. Дело в том, что если в поле зрения Игоря Витальевича попадал интересный художник, он старался приобрести для коллекции как можно больше работ; он не оставлял без внимания даже подготовительные наброски. По мнению Савицкого, такой монографический подбор произведений более или менее точно способен проиллюстрировать творчество художника, если не полностью, то по крайней мере в каком-то определенном временном отрезке. Особенности исторического развития государства отразились и на истории изобразительного искусства, свидетельство тому – трагическая судьба Владимира

Тимирева, одного из многих сотен репрессированных художников. Потому-то и ценен для нас каждый сохранившийся набросок как свидетельство творческих поисков художника.

В музейную коллекцию вошли в основном пейзажные зарисовки, выполненные Тимиревым в начале 1930-х годов. Стиль художника только лишь начинал формироваться. Несмотря на встречающиеся некоторые огрехи в построении композиции («Лодки в заливе», «Горбатый мостик в пасмурный день»), рисунок отличается легкостью и пластичностью. В монохромных карандашных набросках и зарисовках художником осязаемо воссозданы сельские пейзажи, уголки леса, отдельные деревья («Дерево над крышами»). Довольно лаконичный художественный язык построен на четких ритмичных штрихах и линиях, моделирующих объем и передающих фактуру. Твердость руки, удивительная для столь юного возраста художника, не создает впечатления сухости, напротив, композиции полны экспрессии.

Поездки на Каспийское море обогатили художника новыми впечатлениями. Панорамные пейзажи, быстрые, с прекрасной перспективой, выполнены с чувством влюбленности и юношеской восторженностью окружающим миром. Отобразив натуру, художник вносит собственные впечатления от увиденного и создает лиричные композиции, в которых уже угадываются стилевые особенности и индивидуальность

автора. Серия рисунков этого периода выполнена акварелью по мокрой бумаге. Создаваемый при этом эффект размытости контуров, мягкой светотени придает акварели характер живописи. Добавленные к размытке акварели черные тонкие вертикальные линии и нетронутые краской участки бумаги, придают композициям живость и легкость. («Вечерний пейзаж», «Поселок с горбатым мостиком и лодками на реке», «Цветные паруса»).

В других рисунках, выполненных черной акварелью («Берег с лодками») длинные мазки кисти ассоциируются с линиями японской иероглифической графики. Синтез линии и тона бумаги служит здесь пластическим средством организации пространства и формы. Повторяющиеся сюжеты в разнообразных композиционных и колористических вариациях рисунков позволили Тимиреву, что называется, тренировать, воспитывать глаз – основное качество, необходимое художнику.

За короткую жизнь и короткий период творчества Тимирев успел заявить о себе как о яркой индивидуальности. Спустя семьдесят лет со дня гибели художника нам остается только догадываться, сколько замыслов осталось неосуществленными. Но созданным произведениям Тимирева была суждена долгая жизнь.

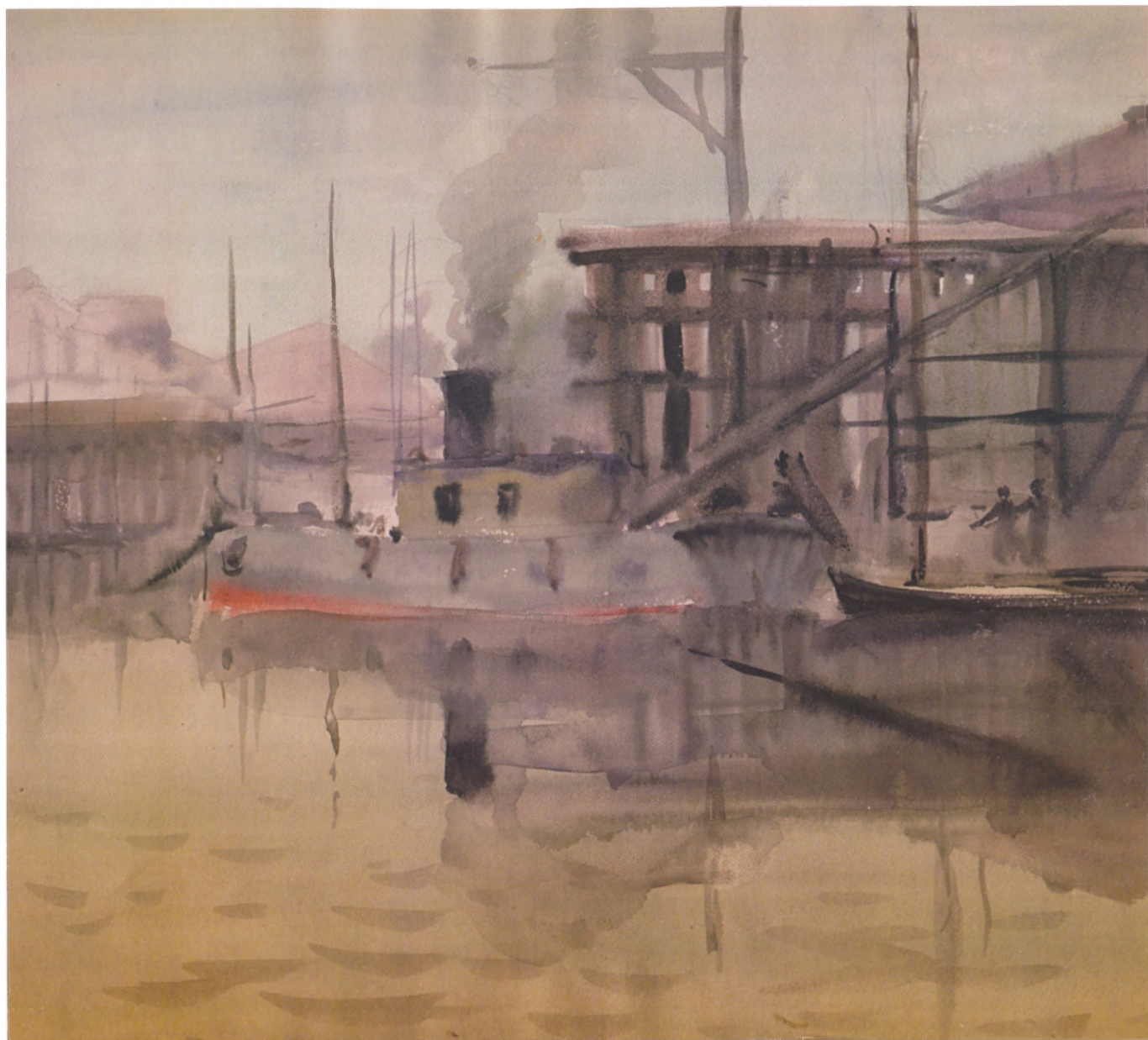
*В. Тимирев на берегу моря.
(Публикуется впервые)*

1 Государственный Музей Искусств Республики Каракалпакстан был открыт в 1956 году благодаря трудам и усилиям художника, коллекционера, археолога, этнографа

Игоря Витальевича Савицкого (1915–1984). Кроме предметов археологии и прикладного искусства, им была собрана уникальная коллекция русского авангарда и поставангарда. Ныне

музей в г. Нукусе носит имя его создателя. Известные отечественные и зарубежные специалисты называют музей искусств в Нукусе одним из прекраснейших музеев мира. – Сост.

Живопись · Графика

Стойка в порту. 1935

Сумерки. 1935

Цветные паруса. 1930-е

Лиманы на Каспии. 1935

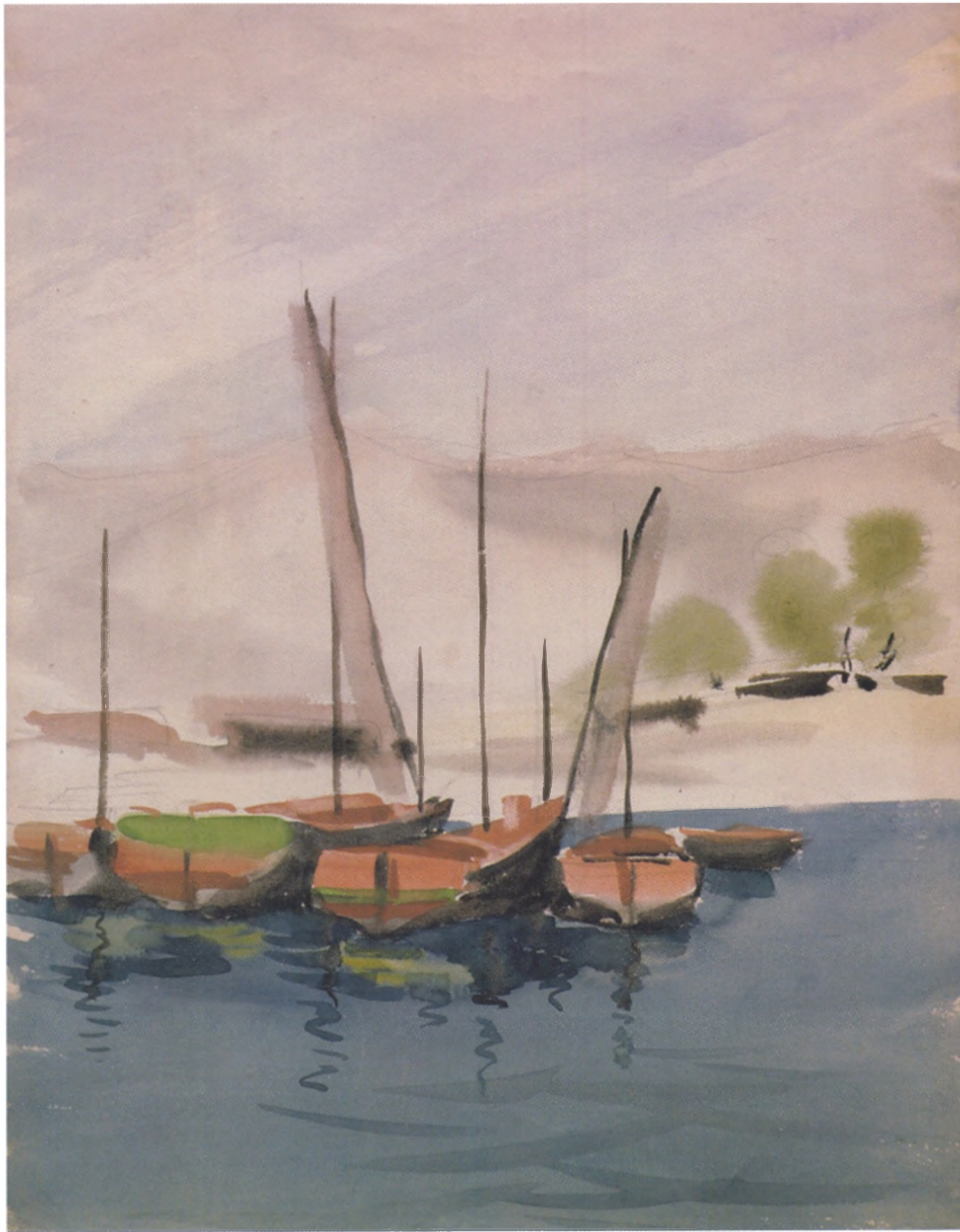
Пейзаж с поездом. 1930-е

Рыбаки в порту. 1937

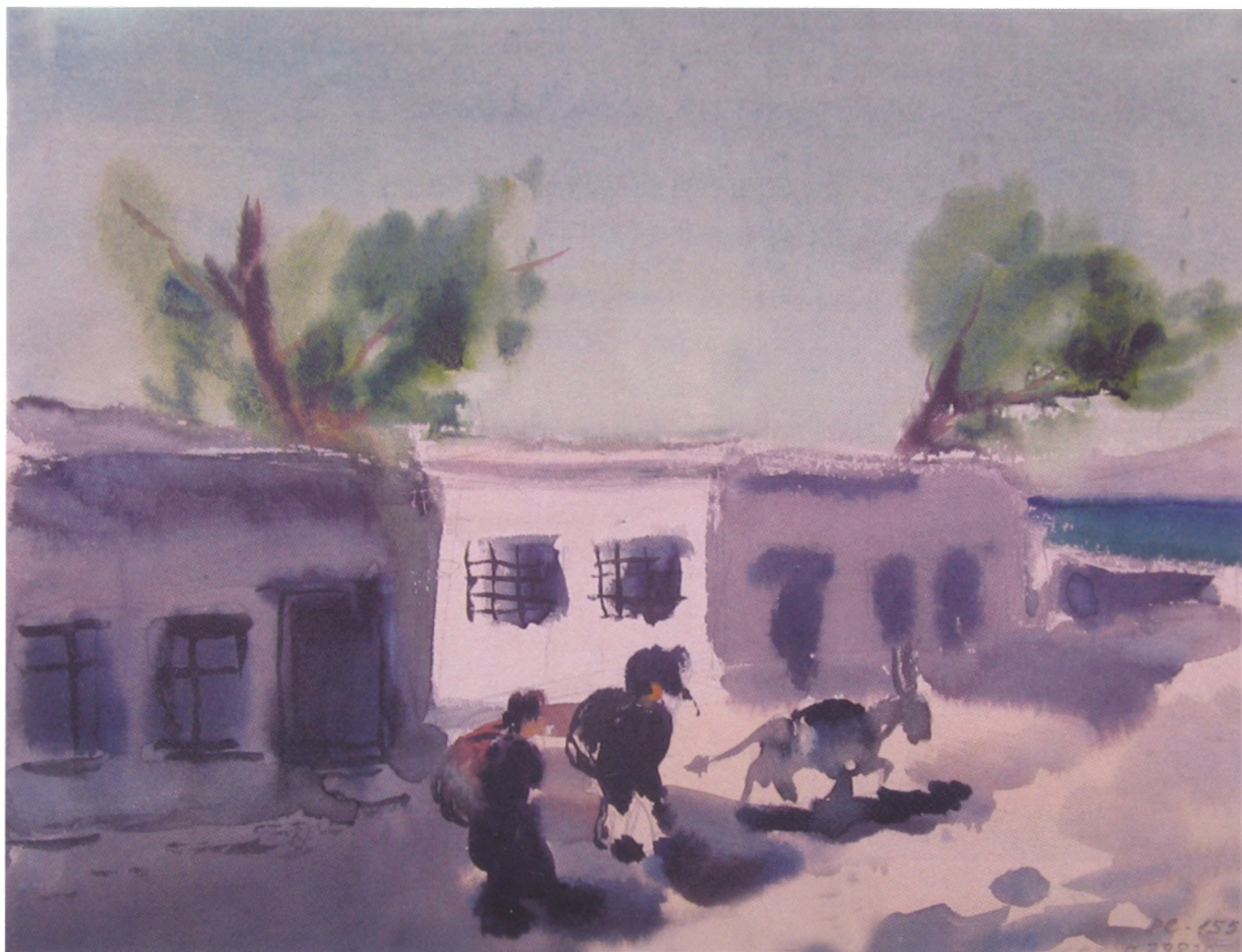
Буксир в штиль. 1935

Остров Кулалы. 1937

Стоянка лодок у моста на реке Кутум. Астрахань. 1930-е

Пейзаж с двумя фигурами и осликом. 1935

Вышний Волочек. Парк. 1930-е

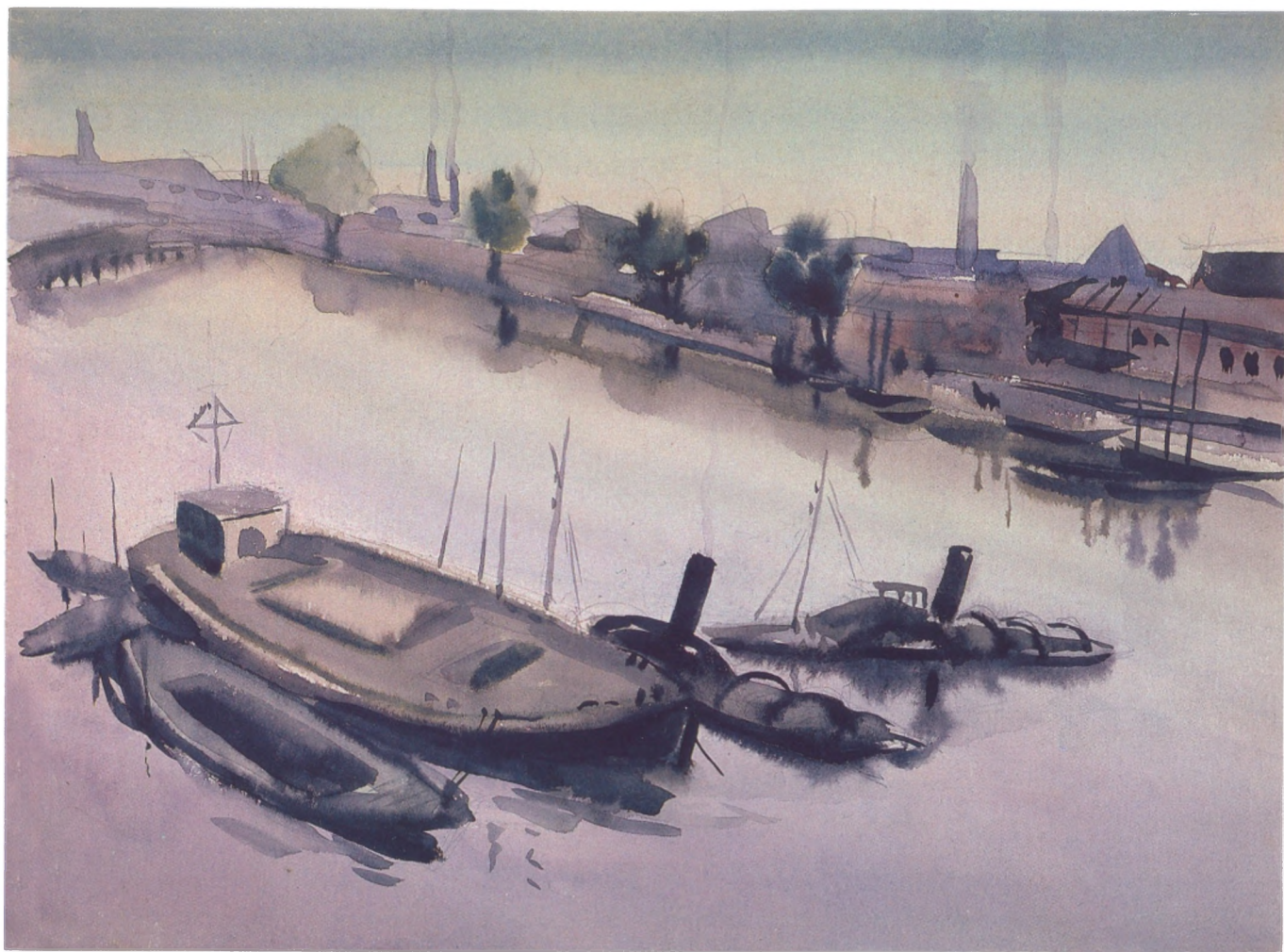
Астраханский пейзаж. 1937

Дома на Николиной Горе. 1937

Лодки в бухте. 1935

Пейзаж с баржами. 1930-е

Вышний Волочек. Торговые ряды. 1937

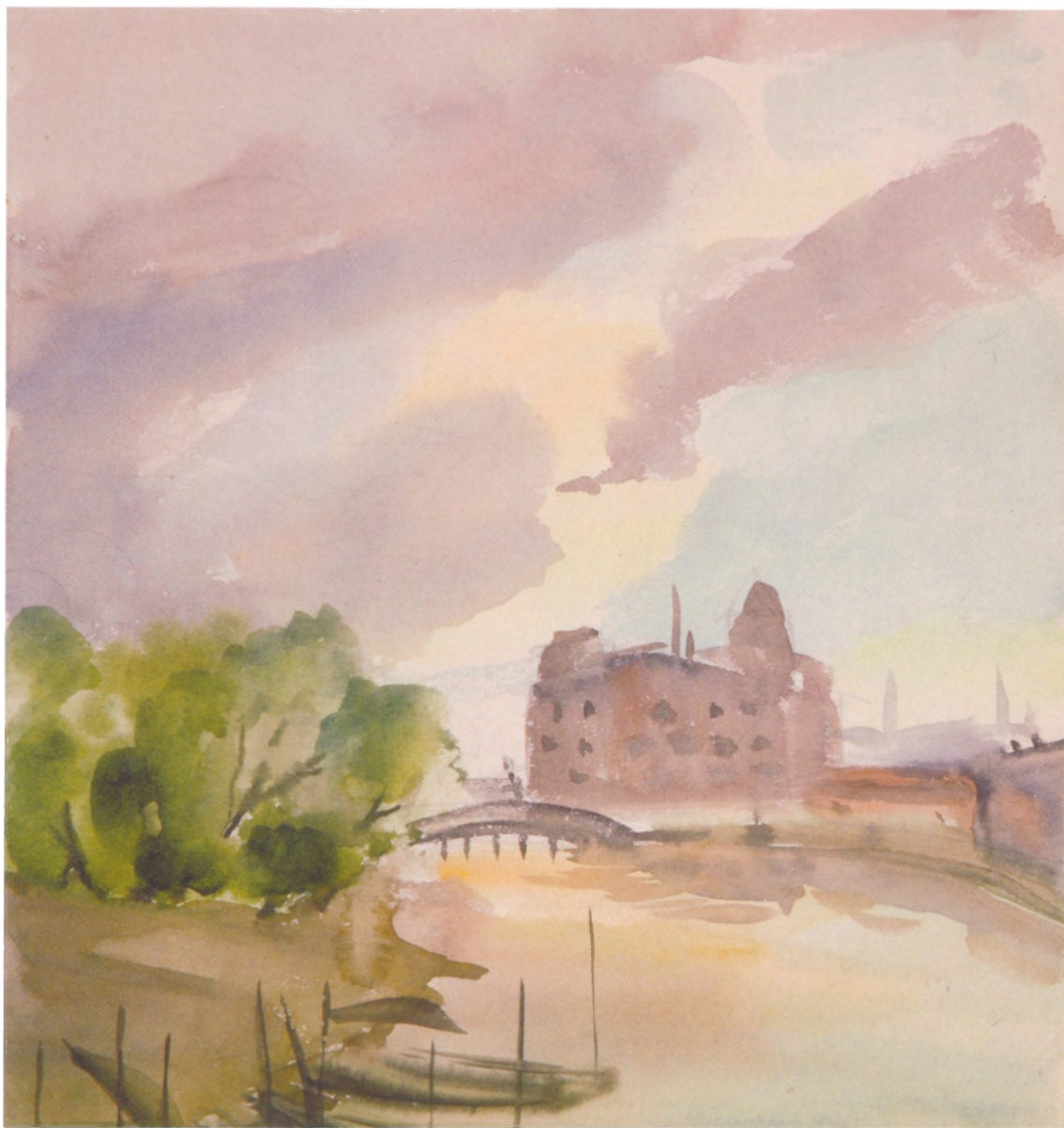
Вышний Волочек. 1937

Каспий. Рыбацкий поселок. 1930-е

Каспий. Возвращение судов. 1937

Пейзаж с мостиком. 1937

Поселок с горбатым мостиком и лодками. 1930-е

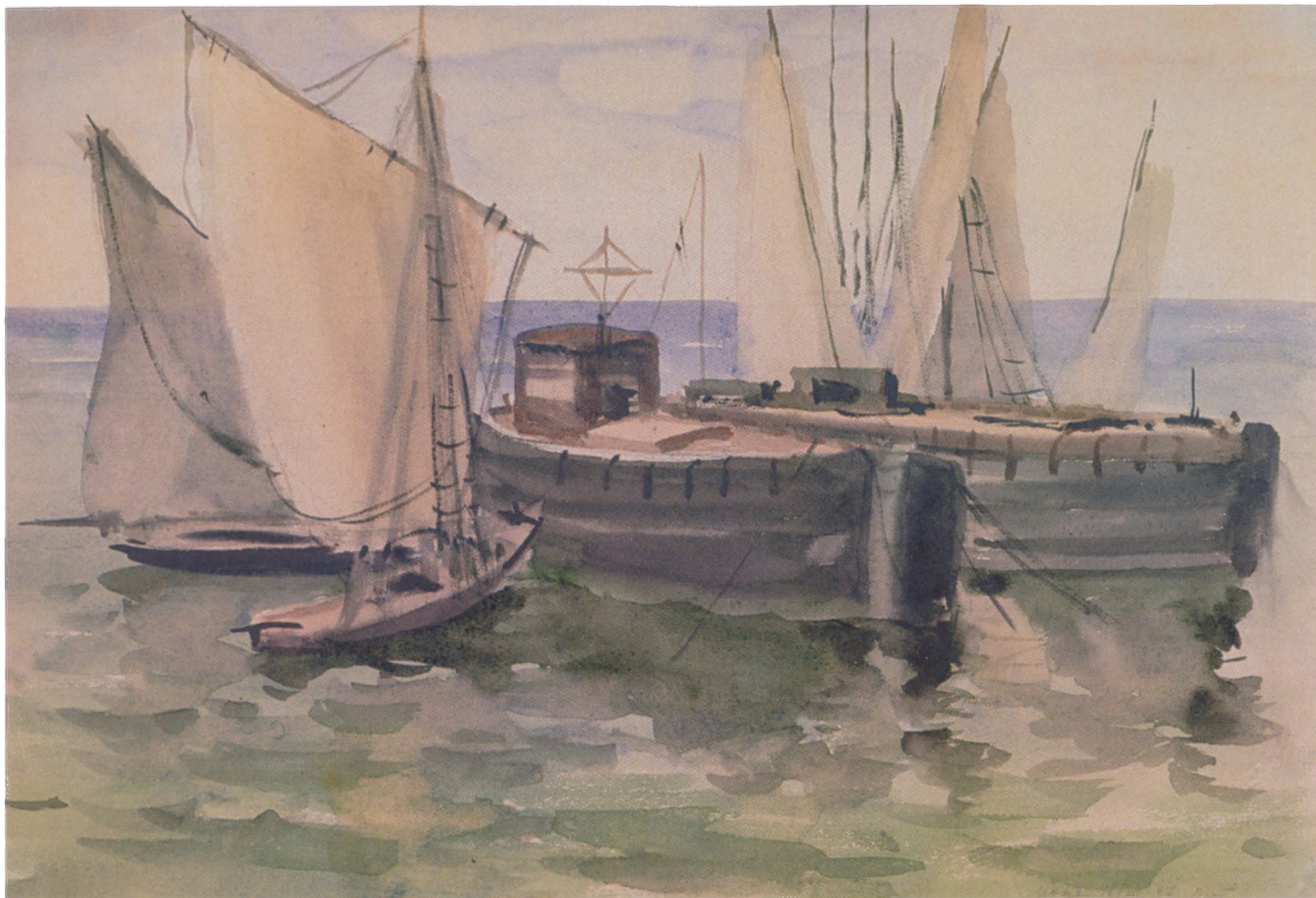
Облака над городом. 1933

Горы. 1933

Высокий причал. 1937

Каспий. 1937

Вид из окна. Москва. 1930-е

Пейзаж за рекой. 1938

Море. Остров Кулалы. 1937

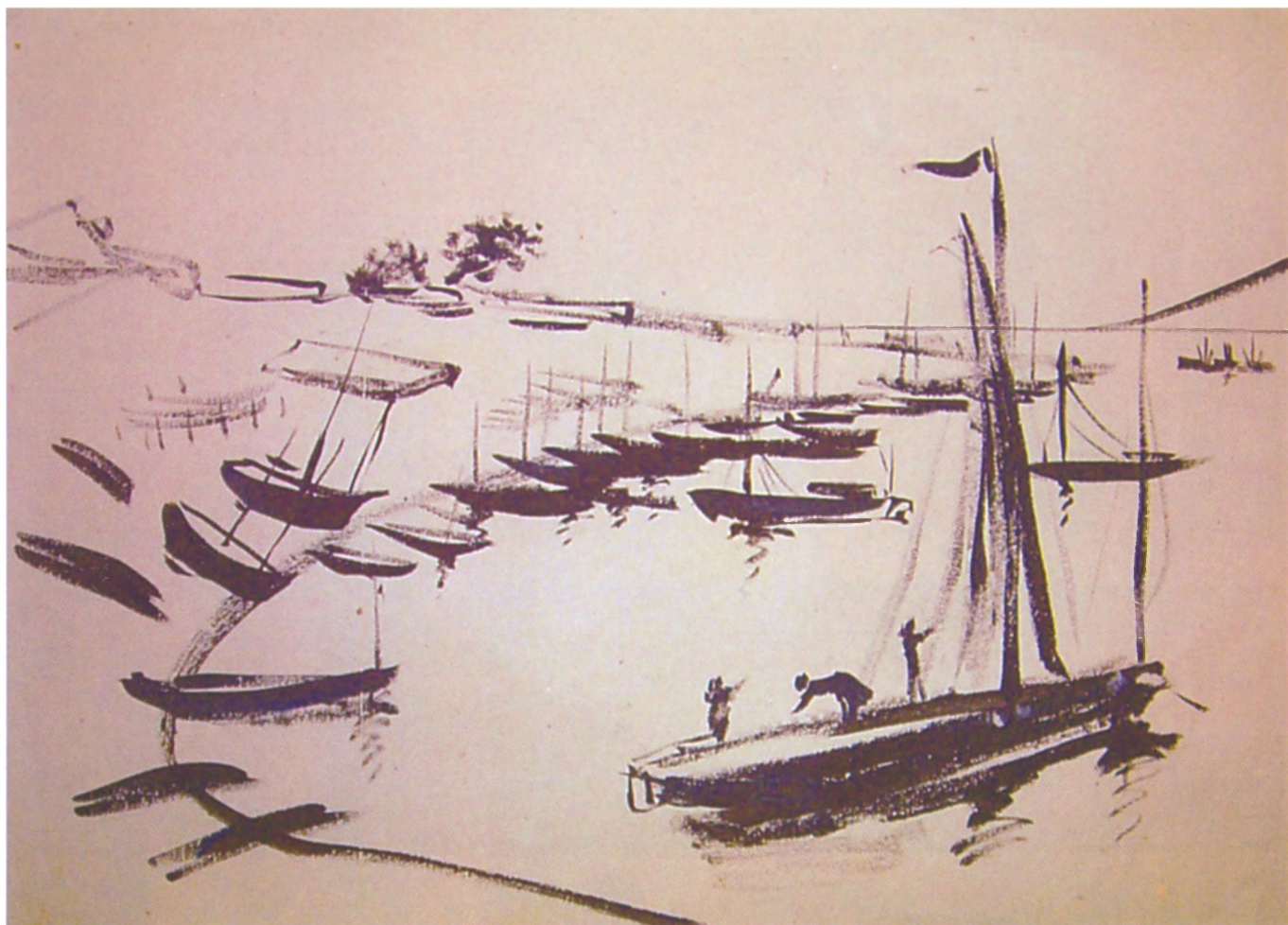
Мостик над рекой. 1938

Серый день. Лодки. 1930-е

Плотина. 1930-е

Берег с лодками. 1935

Игрушка

Петух на колесах. 1933

Композиция «Парк культуры и отдыха». Фрагмент. 1936

Композиция «Парк культуры и отдыха». Фонтан с рыбкой. Фрагмент

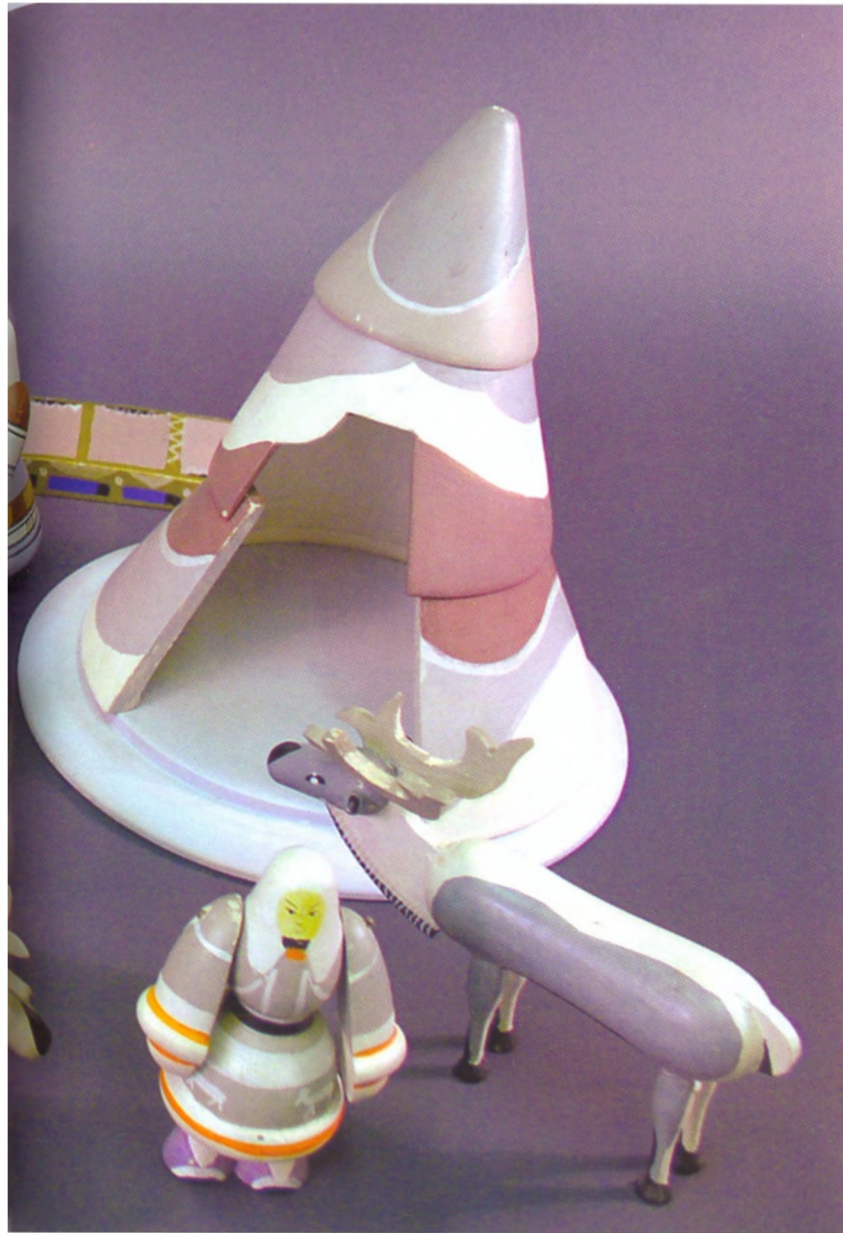
Композиция «Парк культуры и отдыха». Летний театр. Фрагмент

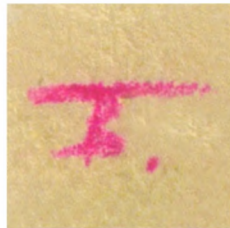

Композиция «Парк культуры и отдыха». Колоннада. Фрагмент

Композиция «Самоеды». 1930-е

ДНЕВНИК ВЛАДИМИРА ТИМИРЕВА

Лодки в заливе. Астрахань. 1935

В. Тимирев
Август - Сентябрь
1937 г.
Каспий

В. Тимирев
Август – сентябрь 1937 г. Каспий
(Три листа тетради, в которой велся дневник,
не сохранились. Записи начинаются с 4-го листа.)

<...> кроме того, на траверсе маяк – чеченский буй¹, ветер посвежел и переменился на чистый sud, т.е. дул в лоб. На волнах появились гребешки, стало мотать. Вдобавок испортилась правая машина, и мы стали делать 2-3 мили. Судорожно привязали все бьющиеся и небьющиеся предметы. В 10 часов стало ясно, что до буя при таком ветре нам не дойти, а если дойдем, то нельзя стать на якорь, ибо глубина там около 30 м, снесет к черту. Идти на разрез тоже нельзя, работать невозможно, все побьет. Решили возвращаться к Среднежемчужному бую, что несколько OSTовой маяка. Там не так глубоко, и можно отстояться до утра. Сейчас идем туда, при изрядной бортовой качке. Вода здесь удивительно густого темно-оливкового цвета, а если смотреть с борта вниз вертикально,

то совершенно черная. Павлуша обожрался селедкой (я тоже), весь вечер сидели и дулись в домино, поглощая невероятное количество влаги. Кончаю, ибо качает так, что писать очень трудно.

16 августа

Сегодня ночью проснулся от ужасающего грохота и звона. Оказывается, это я упал с койки, забыв упереться правой ногой в стену, а левую спустить за койку, в виде противовеса. Долго сидел на полу и ничего не понимал, пока упавший с полки на голову хлеб не привел меня в чувство.

К утру ветер стих и волна улеглась почти до полного штиля. Спустились на разрез Большой Жемчужной банки² – форт Александровский³ и довольно благополучно пошли. Жара была ужасная, море сверкало и рябило до боли в глазах. Как жестянка на солнце, ни цвета, ничего. Взяли первый трал – один осетренок, второй тоже. Плохо. С горя съели с Павлушей 4 арбуза. Помогло. Сделал две дночерпательных станции, очень легких, затем работал над «Канавой».

Сегодня нам не встретилось ни одного судна. В 9 часов стали на якорь. К вечеру, по мере того, как солнце заходило, вода начала бирюзоветь и после заката стала очень красива – зеленовато-бирюзовой, светлой, несмотря на значительную глубину. Выкупались с борта, в темноте. В воде настолько тепло, что, когда ныряешь, не замечаешь момента погружения. Сейчас опять начало покачивать, но не слишком. Завтра нужно сделать 4 станции⁴ и зайти в форт – необходимо чистить машину, как заявил механик и капитан. Я же думаю – пьянствовать. Хотя мне это на руку – pošлю письма и пакет в У. П. П. В моем положении неприятно то, что могу сколько угодно писать, и не могу ни одного письма получить.

Дал капитану план рейса и сделал первую прокладку⁵. Трений не было. Капитан очень толковый и неплохо определяется. Вообще был бы приятнейший человек, если бы не пил. Остальная команда – ерунда, кроме ст. рулевого, очень хитрого и себе на уме. Павлуша – ангел, но foolish⁶ <глуповат – англ.>.

В общем ничего, жить можно, только качает. Чтобы писать, приходится производить вышеописанную манипуляцию с ногами, упираясь головой в полку, вдобавок. От такого положения вдохновение мое кончилось.

17 августа

Опять всю ночь качало. Грохот стоял невообразимый. К утру стихло, в 6 часов пошли. День опять был жаркий, работы было очень много, сделали 4 станции, причем грунт попадал тяжелый, т.ч. я совсем измотался и между станциями спал. Зато тралили удачно – 7 осетров, хотя глубины порядочные, от 20 до 30 мт. Обед и ужин были роскошные, наелись до отвала. С последней станции, часов в 7 пошли на форт Александровский. Показались розовые горы, на розовом небе. И бирюзовое море. Вот уже второй день оно бирюзовое. Из-под кила шмыгают осетрята, стрелками. Вода прoderнута солнцем, как нитками, во всех направлениях. К вечеру горы выросли в лиловые стены, зажегся маяк и началась романтика. А тут еще луна вылезла. Спасу нет. Сидел на бугшприте⁶, ел дыню и мечтал о разных разностях. Часа два мечтал. Потом решил, что это непроизводительная трата времени, к тому же спать захотелось, что я сейчас с большим вкусом и произведу. Завтра простои́м в форте полдня, успею все опять посмотреть, зарисовать кое-что и отправить корреспонденцию. Пить мне здесь нельзя, ибо как начальник рейса не могу терять престиж. Жалко, я бы завтра выпил.

18 августа

Проснулся в 10 час., вылез на палубу и смяк. Солнце палило так, что вообще от одной мысли о каком-либо передвижении обливаешься потом. С правой стороны бухты горы почти скрылись в розовом знойном тумане, слева ослепительный солнечный песок и не менее ослепительные белые домики без окон. Несколько вытaщенных на берег рыбниц⁷ и несколько судов на воде. Нигде ни души, за исключением мальчишек,

которым все нипочем. К моему удивлению, капитан оказался на борту, и на мой вопрос: «почему вы не в форте?» мрачно ответил: «Не поеду, там у меня слишком много знакомых». Изнывая от жары, отправился на почту, т.к. машины должны были быть готовы через 2 часа. Судорожно написал письма и пошел. Жара невероятная, песок сыпучий, белый, по щиколотку всюду, нет ни одного твердого места, идешь и вспоминаешь все русские пословицы. Масса верблюдов и с ними погонщики в широких белых чалмах, тонких полосатых халатах, преимущественно красных, без пояса – как ночные рубашки. Между белыми домами узкие проулочки – два человека разойтись могут, но не больше. В этих тенистых проулках – туземный базар. Сидят невероятно оборванные и грязные кайсаки и продают молоко (черт знает чье) подозрительного вида, яблоки, дыни, огурцы, помидоры. Все очень грязное и разложено на кучки. Любой товар – кучка – рубль. Для простоты. Картина живописная. Единственно, что у них красиво, это переметные сумы, сделанные, очевидно, очень давно, из замечательных ковров. Такие же чехлы на бутылках с молоком. Пробовал приценяться – не продают, негодяи. Придя на почту, с яростью узнал, что у почты выходной день, никакая ругань и уверения в том, что я зашел в форт специально на почту, не помогли. Почтарь – туземец сидел и твердил с идиотским видом: «У нас выходной день!» – «Но ведь вы же сидите здесь, примите пакет, мы для этого шли сюда сутки.....» – «У нас выходной день». – «А жалобная книга ссть?» – «У нас выходной день, нету» и т.д., на полтора часа. Плюнул, обругал его нехорошим словом, на что в ответ получил стандартный «выходной день», и пошел за хлебом. Хлеб здесь плохой, сырой и горький. Возвратился к берегу, вызвал шлюпку, добрался до судна и лег отдыхать, истекая совершенно. Машины, конечно, готовы не были. Вечером решили с Павлушей лезть на горы, к великому ужасу команды, т.к. лодку мы у них забрали, чтобы переплыть бухту. В конце концов доставили

их на берег, с гитарами, балалайками и прочей дребеденью для совращения форгинских красавиц, а сами пошли поперек бухты. В полчаса мы ее пересекли. Стемнело. Горы оказались значительно выше, чем мы думали, сложенные из громадных выветрившихся, голых каменных глыб. При свете луны было здорово. Сверху весь залив видно, как на ладони, и открытое море за косой. Горизонт высокий. Юрты или кибитки у подножия кажутся точками. Сидели там долго. Обратно плыли медленно и тихо. Павлуша пошел спать, а я сел пачкать бумагу. Завтра отход в 4 часа, в 5 станция, а посему ложусь спать тоже.

19 августа

Сегодня работа, работа и работа. Во всех отношениях. И «наука» и «высокое искусство». Устал до чертиков. Идем разрезом Кулалы⁸ – Среднежемчужный буй. Сделал три станции, очень тяжелых. Все это ничего, но плохо то, что рыбы не попадает совсем. Трелили сегодня 4 раза – пусто. Сидим на голодном пайке. Хлеб, арбузы, помидоры. Пища, хотя и вегетарианская, но мало сытная. Если так будет дальше, можно сдохнуть, тем более, что заходить нам некуда. А рыба – основа питания. Опять Nord-West, баллов 5, но волна крупная, мотает – дай Бог всякому. Весь вечер просидели с капитаном на баке и разговаривали о высоких материях «под сладкий лепет знойных волн» и менее сладкий «лепет» команды. Отдали якорь. Сейчас будут тушить свет – экономим горячее, может не хватить. Рисунки попробую послать с какой-нибудь шаланды, а то нехорошо выходит, хотя я и не виноват.

20 августа

К утру стихло и началась гонка. Работаем полдня, как звери, сделал 3 станции. В трал рыба не идет. Совсем голодно. Досли последние арбузы. Хлеб начал плесневеть, нарезали на сухари; оставшиеся полбуханки поджарили на постном масле и с рычанием слопали с Павлушей, запивая кипятком. После этого отяжелели. С 2-х часов подул 6-балльный OST, волна

пошла высокая и длинная, тралить было нельзя. Все рвало из рук. Решил выметать плавные сети и стать на якорь. У нас 38 сетей, это около километра длиной. Если и тут не будет рыбы, то значит, ее здесь нет, чего не может быть, ибо кругом стоечные суда⁹ по красноловью, и рыба у них есть. Трал же берет хорошо только частичковую рыбу. В общем, завтра посмотрим. К вечеру ветер стих, зыбь сейчас небольшая, бортовая, да и глубина метров 15, т.ч. покачивается очень нежно. Завтра выбираем сети и меняем курс на остров Кулалы, если не раздуется ost, как пророчит капитан. Команда ходит злая и голодная без рыбы, но выражает свое недовольство только полной замедленной разговорной речью между собой – матом. Народ в основном подобрался крепкий. Вечером вел научнообразные разговоры с дотошным рулевым, врал по вдохновению и с апломбом какие-то научные истины. Угрызений совести не ощущаю. Механик подговаривается опять чистить машины – в форт, дня через 3-4. Принес мне для работы из кладовки запасные сапоги. Сапоги я взял, а насчет форты – дудки. Нужно торопиться, а то к сентябрю не кончим рейс. Все-таки не смотря на работу, успеваю рисовать, частью с натуры, частью перерабатываю наброски. Все уже спать легли, совсем тихо, только судно скрипит и разговаривает, совсем по-человечески. Да команда на палубе лепечет спросонья русские пословицы. Завтра подъем в 4 часа.

21 августа

Полный крах. В сетях – ни одного осетра. Трелили сегодня 4 раза – абсолютно ничего. Скучновато. Сегодня сидим на хлебе и воде. По всей вероятности, завтра тоже, район по безрыбью одинаковый. Рыба может начаться дня через 2-3. Завтра кончается хлеб, переходим на сухари. Пополнить запасы сможем 24-го на Бурунчуге¹⁰, и то только хлеб. Подошли под Кулалы, завтра меняем курс на West, потом сквозным разрезом на Бурунчук. Штиль сегодня полный. К вечеру настолько стихло, что, глядя на море, луну в барашках, хочется сказать: чуден Днепр и т.д., а также вспомнить знаменитую картину

художника Куинджи: «Чуден Днепр и т.д.»¹¹ много, много других знаменитых художников и поэтов хочется вспомнить.

Не нравится мне такое море. Надсоном¹² пахнет. Куинджи опять-таки. Дешевенькая экзотика. Трезво рассчитав всю оставшуюся работу, выяснил, что раньше 5-6-го сентября нечего и думать о возвращении. Сделали 1/4 работы. Грустно без писем. Еще дней двадцать. В общем ничего. Главное работать. Завтра еще помучиться с цветом парусов на «баржах». И форт еще. Плохие синие, хоть и заграничные. Крой сразу, на второй раз – грязь. Ужасно раздражает работа суррогатами.

22 августа

Вот тебе и Куинджи. Не успел я сделать утром 2 станции, как трахнет Nord-West, да еще в 7 баллов. Волна резкая, стенками, с бяком. Тыкались, тыкались, по курсу идти не можем, сбивает и не дает ходу. Все летит к черту, грохот и звон. С 2-х часов стоим на якоре и мотаемся, как цветок в проруби. Треплет отчаянно. Пишу в стандартном положении – левая нога за койкой, правая в стенку, голова в полку. Все скрипит, пищит, стучает.

Сидим на сухарях. Если шторм еще продлится дня 2, примемся за неприкосновенный запас, с капитаном говорил, он согласен. Команда измоталась и устала даже ругаться. Это плохой признак. Кок валяется – укачалась. К тому же выяснилось, что она беременна. И чего, дура, пошла в море. Стоим близко от рыбного района. Близок локоть, да не укусишь. Читаю «Поднятую целину»¹³ – самое подходящее чтение для качки. «Вазир Мухтара»¹⁴ выучил наизусть. Попробую лечь спать, а то на темени шишку набил. Да, выяснил сегодня у капитана, что 2/3 команды только что отбывшие наказание каналармейцы, то-то я смотрю – как есть бандиты и жулики. Это хорошо.

23 августа

До четырех часов вечера штормило. Не могли двинуться с места. Клало с борта на борт так, что полотенце на

стене описывало почти полукруг. Есть хотелось страшно. Увы, только сухари, даже воду нельзя вскипятить. По палубе ходить было почти невозможно, сбивало и захлестывало волной. Сидел злой, как черт. Потом плюнул, вылез на палубу в рубку и рисовал, стучаясь обо всё на свете. Как это ни странно, что-то начало нащупываться новенькое. Еще далеко не шедевр, но что-нибудь может выйти. Самое трудное – волнение на море. Сдохну, а добыюсь. В четыре часа хлынул дождь, да какой! С громом и молнией. После дождя сразу стихло. Разогрели машины – пошли. Отойдя миль 10, тральнули – четыре осетра, и препорядочных! Тральнули – еще 3 штуки. Восторг наш с трудом поддается описанию. Его может понять только человек, пять дней просидевший на хлебе и сухарях. В изготвлении ужина приняла участие вся команда. Кок – была изгнана с позором в кубрик, т.к. все решили, что нельзя ей доверить такое ответственное дело. В результате уха получилась чудная, и еще по кило вареной осетрины на человека. Ну и нажрались!

После ужина ходили сонные, как мухи, умиротворенно переговариваясь. Даже команда стала между собой изысканно вежлива, и если кто-нибудь матерился, то сразу добавлял: «извиняюсь!» В общем – рай на воде. Ковчег какой-то. Попросили у меня разрешения завтра утром потралить на этом же месте. Я благосклонно согласился, рыгнул, сказал «извиняюсь!» и пошел в каюту, чувствуя, что лучшее положение в море – горизонтальное. И оказался прав.

24 августа

День очень спокойный, в смысле погоды. Пасмурно, тихо. Сытно. Всего взяли тралом сегодня 12 осетров, все довольно мелкие, только один громадный – 20 кг. Попросил сделать балык. Лопаем непрерывно осетрину жареную, вареную, пареную. С ужасом чувствую, что скоро осточертеет. Сегодня поймал себя на том, что вылавливаю хрящики. Это плохой признак. Павлуша совсем разленился, дрыхнет непрерывно, просыпает все станции. Сделал нагоняй, кажется, подействовало.

С неудовольствием обнаружил насекомых¹⁵ в щелях каюты. С утра прилетела птичка, целый день шаталась по палубе – лопала крошки и пауков, никого не боялась. Решила, что место для нее подходящее, и поселилась окончательно. Около камбуза. Птичка серая, с длинными ногами, клювом и хвостом, которые черные. Команда ходит на цыпочках и кричит на нее страшными голосами, чтоб не раздавить. Слушал бесконечные рассказы капитана про различные тюрьмы, а также случаи побегов из оных. Очень назидательно. Второй день не горит электричество, испортился «Аркашка» – как называют динамко механики. Пукает, пукает, а свету нет. Сидим на керосинчике. Сухари кончаются, табак кончается, послезавтра надо идти на шаланду, а где она есть? Неизвестно. До форта слишком далеко, в Кулалы ничего нет, до рейда двое суток шлепать. Разве что на Бурунчуке? Посмотрим.

25 августа

В смысле рейса день весьма неудачный. Поднялись в 4 часа, ветер N-O. 7 баллов. По курсу идти невозможно. Дрыхли и ждали до полдня, надеясь, что утихнет. Тщетно. В полном отчаянии решил идти на остров Кулалы, взять хлеба и табаку хотя бы. Пришли под вечер, с большим трудом. Остров – желтый сыпучий песок, несколько юрт, верблюдов и «магазин», в котором кроме табаку, хлеба и водки ничего нет. Кушили первого и второго, на третьем смотрели с презрением (у меня 10 литров спирта). Добравшись на судно (стали мы за 2 мили от берега ввиду мелководья), поджарил рыбки и дернул с капитаном разбавленного. Умеренно. Весьма приятное ощущение. А ветер свежест и свежест. Капитан говорит – моряна. Если так, то очень плохо. Это значит недели на полторы. Остались еще 32 станции. Сделано 23. Крайний срок прихода в Астрахань 10 сентября. Вот и успей... А в общем чихать, больше нарисую. С почтой скандал. Нет ее. Павлуша отличился. При подходе к берегу шлюпку начало трепать прибоем; Павлуша, чтобы

показать, какой он герой, стал на рым¹⁶. Результат налицо – всей громадной фигурой в прибрежном иле. Отмывался 20 минут, ибо ил здесь ядовитый. Радовались все чрезвычайно.

27 августа

Вчера не вел записи, не рисовал. Позавчера взяли хлеб на Кулалах – свежий, даже слишком свежий, в общем, сырой. Страдал целый день. Вечером подошли к стоечному судну – паруснику на якорю, на котором живет семейство ловцов. Стоят они всю путину на одном месте и ловят красную рыбу. На нашей стойке обитал киргиз, киргизка и киргизенок. Все в ситцевых пестрых штанах. На головах красные платки. Одна штанина до колен, другая чуть подлиннее. Зашли, чтобы сделать «опрос», т.е. стрельнуть осетринки. Киргиз оказался жмот, долго мялся и только когда дали ему керосину, хлеба и еще чего-то – выкинул двух осетров, и то не Бог весть какой величины. Самую тяжелую часть пути (в смысле глубин) закончили. Началась самая тяжелая для меня – илистые грунты и пр. Сейчас мы уже на севере Каспия, у Гурьевской бороздины¹⁷. Прошли мыс Бурунчук, Колпинные острова, идем на West, режем море зигзагами, постепенно добираясь до Забурунья. Сделано 32 станции. За половину перевалило. Надо кончать рейс, а то за задержку судна душу вынут. Хочу меньше тралить. Тогда числу к 9-10 сентября сможем быть в Астрахани. Просматривал продукцию (живописную). Штук 5 ничего, что-то брезжит, а вообще не пойму. Если из рейса я привезу 5-6 неплохих вещей (кроме дерьма, коего много) это будет хорошо.

28 августа

Решил с утра идти полным ходом, без тралов, но Аллах судил иначе. Спали мы с Павлушей в лаборатории, наверху, сбежав от смертоносного запаха формалина, коим травили насекомых в каютах. Проснулись одновременно – на меня ссыпалось ведро и стакан, на него – тяжелые весы и несколько гирь 2-х килограммового достоинства. С жалобными воплями

потирали шишки, когда налетел второй шквал и все посыпалось в утроенном количестве. Одним словом, трепало до 9 часов, потом стихло. Сделал 2 станции и решил потралить, на всякий случай и один раз. Как на грех, вытащили четырех осетров. Повторил трал – еще троечка. В это время опять раздулось, с дождем, громом и прочими атрибутами. Легли в дрейф, приказал выметать сетки и пошел рисовать. За весь рейс только первые 5 или около того дней были солнечными. Осень дает себя знать. Пасмурно, прохладно. Для работы это приятнее, для живописи не совсем, ибо солнечных этюдов у меня мало, да и те дрянь. Капитан явно соскучился по жене, т.к. каждый вечер со вкусом рассказывает мне свои похождения, не лишённые увлекательности. Конечно, половину врет. Рулевой непрерывно пристаёт, чтобы я им лекцию по гидробиологии читал. Хитрый какой! А может быть, я не хочу. Пока оттягиваю солдатскими анекдотами, которые доходят. А там и Астрахань недалеко. В крайнем случае прочту о происхождении человека от обезьяны или о жизни величайшего учёного нашей страны Мичурина. Или еще чего-нибудь. Научнообразное. Боже всесильный, сделай так, чтобы завтра не было шторма. И послезавтра. И после-послезавтра. Хотя надежды на это мало, ветер раздувается. Очень беспокоит история с почтой. Вот идиотское положение! Хоть бы шаланду встретить.

29 августа

Шторм 9 баллов. Сейчас 1 час дня. Стали на якорь. Сетки перепутало и перервало. Писать невозможно. Захлестывает и рвет. Ветер крепчает, поэтому пишу сейчас. Если зыбь усилится, стоять на якоре будет нельзя. А удрать некуда: по ветру маяк, на Ost – машины не вытянут. В общем – посмотрим.

30 августа

Стоим. Шторм продолжается. Ветер 8,5 баллов, переменялся за Sud-Ost. Волны очень большие. Качка чудовищная, все злые, я тоже. Набил уже шишку на голове. Утешительного ничего. Сидим,

жрем и передвигаемся на четвереньках. К тому же стало холодно.

31 августа

Заболел совсем. Утром шторм внезапно прекратился, починили руль, откачали воду и пошли. Трелили удачно, много воблы и судака, осетров нет. Часов в 11 почувствовал себя плохо – типично малярийное ощущение. Вдобавок – продуло во время шторма, в результате большой и очень болезненный флюс. Чувствую себя омерзительно. Принял хины со спиртом. Температура 39,6. Знобит. Ложиться нельзя, работаем круглые сутки, чтобы наверстать потерянное из-за шторма время. Очень нехорошо: хожу, как в бреду, лечь боюсь – не встану. Посмотрел сегодня в зеркало, чтобы определить размеры флюса (зеркала у меня нет, вот уже 20 дней не смотрюсь) и несколько развеселился – жесткая и рыжая борода и усы. Вполне культурного качества. На голове тубетейка – совсем восточный человек.

Не могу больше писать. Нехорошо очень. Пойду поброжу по палубе.

3 часа ночи. Еще темно, идти не можем – на дороге ловцы, как бы не порвать винтом сетки. Ходил все по палубе, было немного легче. Когда сажусь – совсем скверно. Шатаюсь, как пьяный. Капитан ругается и укладывает. Я не соглашался, но после того, как принял старшего рулевого за Всеволода Константиновича¹⁸, и очень удивился, когда это оказался не он (это было полчаса тому назад), я думаю лечь. В голове каша, в ушах шум. В каюте душно, клопы, пойду в лабораторию. Все тело болит.

1 сентября

Утром проснулся слабый, как щенок, – явная малярия. Флюс начал опадать, чувствую себя сравнительно прилично. Лонаю хину, надеюсь, перебыть припадок. Теперь новое дело – кончился хлеб. И вообще все кончилось, ибо ни у кого не осталось ни продуктов, ни денег. У меня тоже, на Кулалах роздал последние подотчетные деньги. Да и заходить

некуда, кругом вода да воздух. В воде редкие рыбины, «с которых» и живем. Распатронили неприкосновенный запас «под гребенку». Последнее масло извели сегодня на оладьи, нажрались до одурения, капитан аж икает. Штиль полный, если простоит еще, кончу рейс через 3 дня, в Астрахани буду 8-го. Живописной продукции порядочно – вместе с дрянью акварелей 25, более или менее приличных – штук 10. Сегодня прогнал судно без тралов, зато и сделали 7 станций. Устал здорово, еще слаб после приступа. В общем, рейсом и своей работой доволен, не зря тратил время, каждый час использовал для живописи.

Вот махорка кончается, раскупориваю последнюю осьмушку, а плавать в лучшем случае дней шесть. Унылая перспектива.

Установил, что спирту остается много, посему взял контрибуцию с ВНИРО¹⁹, а именно, налил банку спирту в подарок Всеволоду Константиновичу, закупорил ее и спрятал в чемодан. И даже, как выяснилось, не одну, а две. Завтра надо будет потралить, команде на котел. Погода все время прохладная, пасмурная. Море в этой части мутное, грязного желто-зеленого цвета. Имеет свой стиль. Все-таки самое красивое море около Форт-Александровска. Прозрачность там достигает 16 метров! Густой бирюзово-зеленый цвет. Ну, довольно сладких воспоминаний, иду спать.

2 сентября

Штиль продолжается. Двигаемся с такой же стремительностью. Если завтра и сегодня ночью не будет ветра, завтра к вечеру, может быть, кончим рейс и повернем на рейд. Припадок перебил хиной, ломит, но немного. Днем увидели в море стоечное судно, на нем – сигнал бедствия. Подошли. Оказались ловцы какого-то колхоза, вот уже восемь дней сидят без хлеба, табаку, и 2 дня вообще без еды, т.к. рыба у них вся протухла во время шторма. Их должен снабжать мотор через день, он же забирает рыбу. 8 дней мотора не было. Поделались, чем могли, взяли на борт бригадира,

чтобы отвезти на шаланду или на встречный мотор. К счастью мотор встретился нам скоро, тот самый, который обслуживает стойку, и мы были вознаграждены за доброе дело – купили немного хлеба и табаку. Хлеб свежий, хорошо пропеченный, вкусный. Красная рыба осточертела. Увы, увы. Зарядка есть на год, рыбы есть не буду.

Стоечных судов здесь много, главным образом, красноловные. Рисовал их. Выглянуло солнышко, налетели мошки. Пауков развелось – тьма.

Вечером Павлуша ворвался в каюту без стука и поймал меня за просмотром акварелей. Пришлось показывать все. Долго восторженно глазел и ахал.

Идем круглые сутки. Через час (2 ч. ночи) будет станция, спим урывками. 4 часа идем и идем. Все дрыхнут, завидно. Грунт – жидкий ил, грязен стал я, как черт. Сегодня на стойке²⁰ меня, из-за моего халата, испачканного в иле, приняли за повара и отнеслись с уважением: «Ишь, у них повар-то какой!»

Я очень гордился. Звоню, иду на станцию пачкаться.

3 сентября

В 3 часа дня окончил рейс. Сутки с половиной непрерывной работы. Сделано 55 станций. Машины чуть шлепают. Сейчас станем на якорь – чистить шары²¹. После конечной станции лег спать и дрых до 10-ти вечера. Сейчас поужинал и опять ложусь. Ветер раздувается, хорошо, что кончили. А то пришлось бы стоять где-нибудь из-за 2-х-3-х станций.

4 сентября

Наконец, тронулись по курсу – рейд Астрахань. До рейда завтра к ночи дойдем, если ничего не случится. В городе можем быть 7-го. Идем преснячком, мелко. Очень много рыбаков, кругом стойки. Того и гляди, зацепишь сетки. Хлеба ни у кого не осталось ни крошки. Крепились до 3-х часов, потом фукнули муку из неприкосновенного запаса, и судно превратилось в артель кустарей «красный бублик». Все пекли, кто во что горазд. Лепешки выходили самых неожиданных и замысловатых фасонов. В общем, ничего, лопаем.

Проходя мимо укатного буя, тральнули – едва вытаскивали трал – 30 пудов крупной частиковой рыбы – судак, лещ, вобла, сазан. Сазана очень мало, больше лещ, судак. До Астрахани рыбой обеспечены. Жалко только, что воблу сейчас нельзя вялить; оказывается, она слишком жирна осенью, не просаливается и на солнце тухнет. Весенняя вобла худая и хорошо вялится. Значит, эти наши 5 пудов воблы пропадут – их взрежут и засолят. И есть их будет уже нельзя совершенно. Павлуша разложился до предела; валяется на койке, горланит песни и орет: «Судачков мне приготовьте, судачков!» Внушение сделать не могу, ибо работу мы кончили. Вот он и разлагается. Взгляд стал туманный, даже штаны ему лень одеть.

Старший рулевой ходит по судну и пророчит всякие беды, очевидно в отместку за то, что я его вчера койкуда послал, чтобы не вмешивался, куда не просят. Я же непрерывно просматриваю работы, пью кипяток с сахаром и вдаль гляжу. Тоже, со стороны глядя, наверно разложился. К работам так присмотрелся, что ничего не могу понять. Кажется дрянь. А может быть нет. Без бутылки не разберусь. Кстати о бутылке – мечтаю о кружке холодного пива, несмотря на то, что сейчас прохладно. И кусочек мяса. Жареного.

С подливкой.

Да! Матрос Мотя нашел сегодня под мачтой перепелку, разбившуюся, очевидно, ночью. Ощипал ее, изжарил и с урчанием слопал, без хлеба и соли. Команда отворачивалась и ругалась нехорошими словами. Я не ругался, но отворачивался тоже. А он хрустел косточками, подлец.

5 сентября

Вышли рано, часов в 6. День тихий, ясный, довольно прохладно. Море мутное, почти пресное, идем по Гурьевскому тракту. Кругом масса ловцов, весь горизонт закрыт парусами, все время лавировали, чтобы не намотать сеток на винты. Все-таки намотали. В четыре часа должны были открыть буй – на Чистом Банке, прошло 5, 6, а буя нет. Переполох страшный. Капитан колбасился от карты к рубке и обратно,

старший рулевой начал по обыкновению вещать мрачные пророчества, один Павлуша дрых сном младенца в каюте. Через час буй открылся, ко всеобщему успокоению. Оказывается, его перенесли на 10 миль к SUD'у. У буя потрелили, рыбы здесь очень много всюду, рыба частиковая. Выяснил, что меньше всего надоедает – судак, как наиболее безвкусная и бескостная рыба. Воблу и леща видеть не могу. О красной рыбе и говорить нечего. Опять пекли лепешки на рыбьем жире. Ничего, привыкли. А кипяток с сахаром даже начал нравиться.

К вечеру встретили наше разведочное судно, выбивавшее сетки. Издалека не могли сообразить, какое. Я думал Максов «Мишар»²² или «Лопарь» Рябчикова, и то, и другое было бы приятно. Напялил пиджак, напустил научный вид. И все впустую. Оказался «Ингуш», наполненный какими-то мерзкими научными бабами. Мы даже не стали причаливать, махали и ушли. Ночью должны быть на 12-ти футовом рейде, если не помешают ловцы. Завтра днем на промысле Оля²³, где соберем последние медяки на арбузы. С нетерпением думаю о письмах, все-таки двадцать четыре дня совершенно отрезаны от мира. Радио наше испортилось еще до выхода в море. Опять просматривал работы и настолько одурел, что уже окончательно ничего не понимаю.

Частично привел в порядок собранный материал и записи. Окончательно все приготовлю в дельте. Вот где мыться будем! Нагреем воды – много, и пресной. Заросли грязью все, как коростой. Просолились. Простыни у меня кофейного цвета. Один край почему-то в мазуте, на другой во время качки упала лампа с керосином. Кроме того, всюду рыбы кости. Втыкаются неожиданно и болезненно. В общем, уж в Астрахани постираю. Всю жизнь отравляют неотосланные рисунки. Видеть этого пакета не могу. Первое, что сделаю в Астрахани, – пошлю спешным пакетом.

6 сентября

Шли всю ночь. Часа в два спустились на Sud к рейду и не нашли его. Искали часа полтора. Ночь, ветер

6 Сентября

29

Шли всю ночь. Часа в два встретились на Судк рейду, и не нашли его. Искали часа наизусть. Ночь, ветер свежий, а рейда нет. Наконец, показался. Утром уже мылиши по каналу, и началась генеральная мойка. Все полоскались, отбивая месячную грязь. В 2 часа дня пришли на Оля; пристали – взяли хлеба и арбузов. Арбузов взяли, а хлеба нет. Все лавки закрыты, по случаю какого-то собрания. С проклятиями пошли до Труд-Фронта, где и купили. Камыш весь в дельте уже желтый. Птиц – тьма, и пеликанов, и всякой твари по паре. Сегодня выходной день, и нам

встретилось несколько баркасов с охотниками. Все борта увешаны дичью. Арбузов уже мало, кончатся, вечера холодные, осень. Вечером шли осторожно. Через час придем в Астрахань, на пристань 2-3. Уже видно зарево огня и слышны гудки пароходов. Наконец пошли рисунки. А то черт знает, что получается. Ну, кончаю баркасы, рейс окончен.

Астрахань 6 сентября 1937г.

В. Тимирев.

Последние страницы дневника
В. Тимирева. 1937

свежий, а рейда нет. Наконец, показался. Утром уже шлепали по каналу, и началась генеральная мойка. Все полоскались, отбивая месячную грязь. В 2 часа дня пришли на Оля, пристали – взяли хлеба и арбузов. Арбузов взяли, а хлеба нет. Все лавки закрыты, по случаю какого-то собрания. С проклятиями пошли до Труд-Фронта²⁴, где и купили. Камыш весь в дельте уже желтый. Птиц – тьма, и пеликанов, и всякой твари по паре. Сегодня выходной день, и нам встретилось несколько баркасов с охотниками, все борта увешаны

дичью. Арбузов уже мало – кончатся. Вечера холодные, осень. Вечером шли осторожно. Через час придем в Астрахань, на пристань <в> 2-3. Уже видно зарево огня и слышны гудки пароходов. Наконец пошли рисунки. А то черт знает, что получается. Ну, кончаю записки, рейс окончен.

Астрахань, 6 сентября 1937 г.
В. Тимирев

Владимир Тимирев дважды принимал участие в работе каспийских экспедиций Всесоюзного института морского рыбного хозяйства и океанографии. Весной 1935 года, вместе с Максом Бирштейном, он впервые приехал на Каспий в качестве лаборанта. В августе-сентябре 1937 года друзья вновь участвовали в экспедиции, работали на разных судах, и Владимир Тимирев был уже начальником рейса на своем судне. В свободное время рисовал и писал дневник. В Москве Владимир передал

дневник Наталье Кравченко, дочери художника; у нее дневник находился до 2004 года.

Отрывки из дневника были опубликованы: Александр Липков. Я к вам травую прорасту... Роман свидетельств. Континент, 2005. № 123.

Примечания (за исключением оговоренных случаев) по просьбе И.К. Сафонова выполнил доктор биологических наук, главный научный сотрудник Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН Г.И. Рубан.

-
1 Имеется в виду буй в районе острова Чечень. 2 Банка – мелководный участок в море. 3 Форт-Александровский – город в Западно-Казахстанской обл., на полуострове Мангышлак. В 1937 г. назывался Форт Урицкого (см.: Большая Советская Энциклопедия, т. 58, М.: ОГИЗ, 1936). В 1939 г. название вновь поменялось на Форт-Шевченко в память находившегося здесь в ссылке (1850–1857) Т.Г. Шевченко (ныне республика Казахстан). – <i>Сост.</i> 4 Станция – это одновременно и географическая точка на карте, где производятся работы, и сама работа. 5 Имеется в виду прокладка курса на карте. 6 Бугшприт, бушприт – выступающий за форштевень судна горизонтальный или наклонный брус. На парусных судах служит для выноса носовых парусов, используется также для подъема и отдачи носового якоря.	7 Рыбница – баржа для перевозки рыбы. 8 Кулалы – один из наиболее значительных островов Каспийского моря (ныне территория Казахстана). 9 Стоечные суда – это, как видно далее по тексту, «парусник на якорю, на котором живет семейство ловцов. Стоят они всю путину на одном месте и ловят красную рыбу». Ловят сетями. «Кругом стойки, того и гляди, зацепишь сетки». 10 Бурунчук – мыс и населенный пункт Бурыншык на полуострове Бузачи (Казахстан). – <i>Сост.</i> 11 А.И. Куинджи (1841–1910) – русский художник. Имеется в виду его картина «Ночь на Днепре» (1880). – <i>Сост.</i> 12 С.Я. Надсон (1862–1887) – русский поэт. – <i>Сост.</i> 13 Первая книга романа М.А. Шолохова (1905–1984) «Поднятая целина» вышла в 1932 г. – <i>Сост.</i> 14 Роман Ю.Н. Тынянова (1894–1943)	«Смерть Вазир-Мухтара» (1927). – <i>Сост.</i> 15 Инсекты – клопы. 16 Рым – железное кольцо на носу лодки, за которое ее привязывают на безопасном расстоянии от берега во избежание ударов о дно во время шторма. 17 Гурьевская бороздина – географическое название впадины вблизи устья Урала. 18 Всеволод Константинович Книпер – отчим В. Тимирева. – <i>Сост.</i> 19 ВНИРО – Всесоюзный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии. 20 Стойка – стоечное судно. 21 В те времена на мелких судах широко использовали газолиновые двигатели с калильным зажиганием. 22 Максов «Мишар» – судно, на котором работал Макс Бирштейн. – <i>Сост.</i> 23 Оля – промысел в дельте Волги. 24 Труд-Фронт – поселок, существует и сейчас.

ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ВЛАДИМИРА ТИМИРЕВА

1914 Владимир (домашнее имя Одя) родился 20 сентября (4 октября) в Петрограде. Отец – Сергей Николаевич Тимирев (1873–1932), морской офицер. Мать – Анна Васильевна, урожд. Сафонова (1893–1975), занималась рисунком и живописью в частной студии С.М. Зайденберга. Квартира Тимиревых в Петрограде находилась по адресу: 7-я Рождественская ул., д. 9, кв. 24.

Анна Васильевна с сыном Одей

1915 Семья переехала в Гельсингфорс, где служил С.Н. Тимирев – флаг-капитан штаба флота по распорядительной части. Весной Анна Васильевна познакомилась с А.В. Колчаком.

1916 Лето – начало переписки Анны Васильевны с Колчаком, после того как он был назначен командующим Черноморским флотом. 20 июля С.Н. Тимирев назначен командиром крейсера «Баян». Осенью Анна Васильевна с сыном переехала в Ревель. Семья снимала квартиру на Вышгороде по адресу: ул. Судебная, д. 8.

1917 В начале февраля семья приехала в Петроград, где развернулись революционные события. С.Н. Тимирев срочно вернулся в Ревель, а Анна Васильевна с сыном остановилась в квартире родителей на ул. Фурштатской, д. 37. 29 сентября – 6 октября С.Н. Тимирев участвовал в Моонзундском сражении. В октябре С.Н. Тимирев произведен в контр-адмиралы и назначен начальником 1-й бригады крейсеров Балтийского флота.

1918 Январь – С.Н. Тимирев уволен в отставку. Назначен уполномоченным Центрального военно-промышленного комитета по ликвидации имущества морского ведомства на Дальнем Востоке. 27 февраля в Кисловодске умер дед Оди Василий Ильич Сафонов (р. 1852). Весной Анна Васильевна привезла сына в Кисловодск к бабушке, Варваре Ивановне Сафоновой, урожд. Вышнеградской (1863–1921), в связи с отъездом вместе с мужем во Владивосток. Май – встреча Анны Васильевны в Харбине с А.В. Колчаком, после которой она решает связать с ним свою судьбу. Родители Оди расстались. В ноябре С.Н. Тимирев назначен командующим морскими силами белых на Дальнем Востоке. В Омске Анна Васильевна работала переводчицей при управлении делами Совета министров и Верховного правителя.

1920 15 января Анна Васильевна добровольно последовала в тюрьму при аресте адмирала А.В. Колчака в его поезде в Иркутске. 7 февраля Колчак расстрелян. Анна Васильевна содержалась в тюрьме,

затем в тюремной больнице (переболела тифом); была отправлена в Омск, где 7 ноября освобождена из тюрьмы по амнистии. Пыталась выехать в Дальневосточную республику, но была возвращена из Верхнеудинска. Работала в библиотеке Иркутского университета и ожидала разрешения на выезд в Кисловодск к матери и сыну. С.Н. Тимирев после поражения белых в Сибири эмигрировал в Китай.

1921 19 мая Анна Васильевна вновь арестована; содержалась в тюрьмах Иркутска и Новониколаевска. В декабре по ходатайству Е.П. Пешковой переведена в Бутырскую тюрьму в Москву. В Кисловодске умерла мать Анны Васильевны; после смерти бабушки Одя жил у сестры деда, Марии Ильиничны Плеске (1869–1944).

1922 14 апреля Анна Васильевна освобождена с подпиской о невыезде из Москвы. Летом вновь арестована, короткое время находилась в заключении. Перевезла Одю из Кисловодска в Москву.

*А.В. Книпер.
Тюремная фотография. 1925*

Анна Васильевна поселилась с сыном в Москве на Плющихе в доме № 31 у своего брата Ильи Сафонова.

1923 Анна Васильевна вышла замуж за инженера Всеволода Константиновича Книпера (1888–1942), жившего в том же доме на Плющихе.

1924 Одя начал учиться в школе № 24 в Хамовниках (бывшая Алферовская гимназия).

1925 30 апреля Анна Васильевна арестована. 2 июня административно выслана как «социально опасный элемент» на три года в Тарусу Калужской губернии. Жила в Тарусе и Бехове – Поленове. Одя приезжал к матери и жил вместе с нею летом.

1928 17 мая Анна Васильевна вернулась в Москву после трехлетней высылки.

1929 Одя закончил школу-семилетку и вместе с другом, Максом Бирштейном, поступил в Строительно-конструкторский техникум, где учился два года. Много рисовал, писал маслом и акварелью.

1931 После окончания техникума Владимир поступил в Архитектурно-строительный институт (образован в 1930 г. объединением архитектурного факультета ВХУТЕИНа и инженерно-строительного факультета МВТУ им. Баумана).

1932 Владимир начал работать в Научно-экспериментальном институте

игрушки (НЭИИ) в Загорске, образованном в том же году. Среди первых образцов Института игрушки значатся работы В. Тимирева: «№ 69. Конструктор-мосты; № 93. Гонимая лодка; № 94-96. Петух и курица; № 734-739. Чум самоедский» (ЦГАМО. Ф. 7257. Оп. 1. Д. 10).

Начал посещать мастерскую художника А.И. Кравченко. Знакомство с дочерью художника Наташей.

31 июня в Шанхае умер С.Н. Тимирев. В эмиграции последние десять лет жизни служил на судах китайского коммерческого флота. В протоколе допроса от 8 апреля 1935 г. Анна Васильевна указала, что до 1929–1930 гг. она имела письменную связь с бывшим мужем. О переписке с отцом говорил на следствии и В. Тимирев.

1933 В январе Владимир оставил институт по собственному желанию. 20 марта заключил новый трудовой договор с загорским Научно-экспериментальным институтом игрушки о работе в качестве художника. Совершил поездку в Кисловодск к родным. В окрестностях Кисловодска сделал ряд живописных работ.

Здание НЭИ игрушки в Загорске

1934 В плане работы НЭИИ на 1934 г. в разделе VII «Издательская работа» значится статья «Игрушка, знакомящая с социалистическим бытом народностей СССР». Авторы: Никифоров, Попова, Тимирев (ЦГАМО. Ф. 7257. Оп. 1. Д. 19. Св. 2. Л. 21 об). В «Сличительной ведомости по счету готовых изделий» НЭИИ (ЦГАМО. Ф. 7257. Оп. 1. Д. 28) имеются сведения о работах Тимирева: «Гоночная лодка в количестве 7 шт. на сумму 143 р. 43 к.» (Л. 131) и «Ящик деталей улицы, количество – 1» (Л. 133).

19 июня начал работать в качестве художника в «Племзаготконторе».

1935 Февраль – заключил трудовое соглашение на выпуск рисунков для двух серий кубиков со Всесоюзным Кооперативным Объединенным Издательством (КОИЗ).

6 апреля Анна Васильевна арестована, в мае по ст. 58-10 «за контрреволюционную деятельность, выразившуюся в проявлении среди своего окружения злобных и враждебных выпадов против Советской власти» осуждена на пять лет лагерей.

23 апреля отправлена в распоряжение БАМЛАГа НКВД.

10 мая во изменение прежнего постановления лишена права проживания в 15 го-

родах («минус 15») на три года. Возвращена из Забайкальского лагеря, жила в Вышнем Волочке, Верее.

Весной Одя и Макс Бирштейн в составе научной экспедиции Всесоюзного института морского рыбного хозяйства и океанографии поехали на Каспий.

Декабрь – сделанные в поездке работы экспонировались на выставке в институте морского рыбного хозяйства и океанографии.

1936 Весна – участие в выставке-смотре молодых художников, организованной по инициативе ЦК ВЛКСМ в Москве.

Апрель – выход в свет книжки Дж. Лондона «Сказание о Кише» с иллюстрациями В. Тимирева (Издательство детской литературы ЦК ВЛКСМ, серия «Книга за книгой»).

1937 13 февраля в Ленинграде родился Илья – сын Ольги Сафоновой и Кирилла Смородского (оба погибли во время блокады в январе 1942 г.).

Поездка В. Тимирева к родным в Ленинград, крестины двоюродного брата Ильи.

Август – сентябрь – вторая экспедиция на Каспий, Владимир назначен начальником рейса на судне. Во время экспедиции много работал акварелью, вел дневник.

Анна Васильевна поселилась в Малоярославце.

1938 Владимир и Анна Васильевна встретили Новый год в Малоярославце. В Художественно-педагогический музей игрушки в Загорске из Наркомпроса поступил набор «Парк культуры и отдыха из разных материалов. Всего 186 предметов». Автор художник В. Тимирев. Оценка 1000 руб. (инв. № 31808).

Мартом датируются последние акварели В. Тимирева.

Март – Владимир получил согласие Натальи Кравченко выйти за него замуж.

В ночь с 20 на 21 марта Владимир Тимирев арестован дома в Москве. Находился под следствием в Таганской тюрьме.

25 марта в Малоярославце арестована Анна Васильевна; год содержалась в Бутырской тюрьме и отправлена в Карагандинские лагеря на восемь лет.

17 мая тройкой при УНКВД СССР по Московской области Владимиру Тимиреву вынесен смертный приговор.

28 мая Владимир Сергеевич Тимирев расстрелян под Москвой на спецобъекте НКВД «Бутовский полигон».

ВЫСТАВКИ

1935, декабрь, Москва. Выставка во Всесоюзном научно-исследовательском институте морского рыбного хозяйства и океанографии. Экспонировались работы, выполненные летом 1935 года в экспедиции на Каспии.

1936, весна, Москва. Выставка-смотр молодых художников, организованная по инициативе ЦК ВЛКСМ.

1979, Москва. Выставка «Художники первых пятилеток».

1983, Москва. Выставка к вечеру памяти в Доме художника.

1987, Пермь. Новые поступления Пермской государственной художественной галереи за 10 лет.

1989, Москва. Выставка «Памяти жертв политических репрессий».

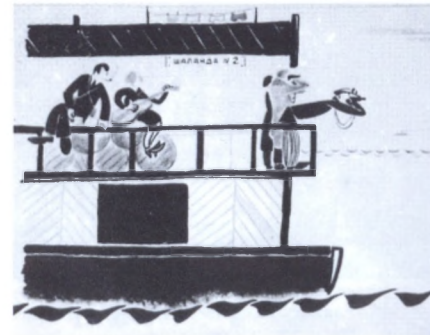
1998, Канны, Франция. Выставка «Выжившие в красных песках» из коллекции Государственного Музея Искусств Республики Каракалпакстан (ГМИ РК) им. И.В. Савицкого.

2001, Ташкент, Узбекистан. Выставка «Живопись и графика из коллекции ГМИ РК им. И.В. Савицкого».

2003, Ташкент, Узбекистан. Выставка живописи и графики из коллекции ГМИ РК им. И.В. Савицкого в рамках Международного банковского саммита.

2003, октябрь – ноябрь, Москва. Персональная выставка в Мемориальном научно-просветительском общественном центре «Бутово».

2004, 4 октября, Москва. Вечер, посвященный 90-летию со дня рождения художника в Библиотеке-фонде «Русское Зарубежье». Однодневная выставка работ. Демонстрация документального фильма «Я к вам травкою прорасту...».

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Миниатюра «Ненец». 1933

Б., акв. 3x4

Собрание Н.А. Кравченко

Миниатюрная игрушка. 1933

Дерево, темпера.

Собрание Н.А. Кравченко

Усадьба на Николиной Горе.

Фрагмент. 1937

Б., акв. 23x38,4

Государственный Музей Искусств
Республики Каракалпакстан
им. И.В. Савицкого

Вечерний пейзаж. 1930-е

Б., акв. 17,6x25,4

На обороте:

Поселок с горбатым мостиком и
лодками на реке.

Государственный Музей Искусств
Республики Каракалпакстан
им. И.В. Савицкого

Игра «Поймай рыбку». 1930-е

Художественно-педагогический музей
игрушки Российской Академии
образования

**Композиция «Парк культуры
и отдыха». 1930-е**

Дерево, гипс, др. материалы

Художественно-педагогический музей
игрушки Российской Академии
образования

Стойка в порту. 1935

Б., акв., граф. кар. 29,3x32,6

Государственная Третьяковская
галерея

Сумерки. 1935

Б., акв., граф. кар. 21,8x36,9

Государственная Третьяковская
галерея

Цветные паруса. 1930-е

Б., акв. 23,5x32,8

Государственный Музей Искусств
Республики Каракалпакстан
им. И.В. Савицкого

Лиманы на Каспии. 1935

Б., акв., граф. кар. 20,4x25,9

На обороте: Пейзаж с двумя фигурами
и осликом. Государственная
Третьяковская галерея

Пейзаж с поездом. 1930-е

Б., акв. 358x463

Государственный музей
изобразительных искусств
им. А.С. Пушкина

Рыбаки в порту. 1937

Б., акв., граф. кар. 28,7x40,7

Государственная Третьяковская
галерея

Букир в штиль. 1935
Б., акв., граф. кар. 27,2х26,7
Государственная Третьяковская
галерея

**Стоянка лодок у моста
на реке Кутум.** 1930-е
Б., акв., сухая кисть. 20,7х29,1
Государственный Музей Искусств
Республики Каракалпакстан
им. И.В. Савицкого

Остров Кулалы. 1937
Б., акв., граф. кар. 34,6х25
Государственная Третьяковская
галерея

**Пейзаж с двумя фигурами и
осликом.** 1935
Б., акв., граф. кар. 20,4х25,9
На обороте: Лиманы на Каспии.
Государственная Третьяковская
галерея

Вышний Волочек. Парк. 1930-е
Б., акв., граф. кар. 27,4х30,8
Государственная Третьяковская
галерея

Астраханский пейзаж. 1937
Б., акв., 29,1х37,8
Государственная Третьяковская
галерея

Дома на Николиной Горе. 1937
Б., акв., граф. кар. 30,2х38,7
На обороте: Дома. 16 марта 1937
Государственная Третьяковская
галерея

Лодки в бухте. 1935
Б., акв., граф. кар. 25х34,5
Государственная Третьяковская
галерея

Пейзаж с баржами. 1930-е
Б., акв. 24,8х34,3
Государственный музей
изобразительных искусств
им. А.С. Пушкина

Вышний Волочек. Торговые ряды.
1937
Б., акв, граф. кар. 33,2х51,6
Пермская государственная
художественная галерея

Вышний Волочек. 1937
Б., акв, граф. кар. 26,4х34
Пермская государственная
художественная галерея

Каспий. Рыбацкий поселок. 1930-е
Б., акв. 19,6х31,7
Пермская государственная
художественная галерея

Каспий. Возвращение судов. 1937
Б., акв, граф. кар. 23,8х34,4
Пермская государственная
художественная галерея

Пейзаж с мостиком. 1937
Б., акв, граф. кар. 26,5x24,8
Пермская государственная
художественная галерея

**Поселок с горбатым мостиком
и лодками на реке.** 1930-е
На обороте: Вечерний пейзаж.
Б., акв. 17,6x25,4
Государственный Музей Искусств
Республики Каракалпакстан
им. И.В. Савицкого

Облака над городом. 1933
Х., м. 20x30
Научно-информационный
и просветительский центр «Мемориал»

Горы. 1933
Х., м. 18x28,5
Научно-информационный
и просветительский центр «Мемориал»

Высокий причал. 1937
Б., акв. 25,3x29,8
Собственность Е.В. Акимовой

Каспий. 1937.
Авторская пометка:
Море 18/VIII-37 ВТ
Б., акв. 27,2x39,5
Музей и Общественный центр
им. Андрея Сахарова

Вид из окна. Москва. 1930-е
Б., акв. 30,2x25
Собственность Е.В. Акимовой

Пейзаж за рекой. 1938.
Надпись: В.Т. 15/ III 38.
Б., акв., граф. кар. 30x41,5

Пермская государственная
художественная галерея

Море. Остров Кулалы. 1937
Б., акв. 29,8x41,3
Музей и Общественный центр
им. Андрея Сахарова

Мостик над рекой. 1938
Б., акв. 18,2x29,8
Подпись: В. Тимирев 1938.
Надпись автора на паспарту:
«Нине Георгиевне Александровой
с глубоким почтением и пожеланием
всего самого лучшего.
В. Тимирев 27/ I 38 г.»
Собственность Е.В. Акимовой

Серый день. Лодки. 1937
Б., акв., 14,8x14,3
Подпись: ВТ. 1937
Собственность Е.В. Акимовой

Плотина. 1937
Б., акв. 23,6x33
Пермская государственная
художественная галерея

Берег с лодками. 1935
Б., акв., сухая кисть. 20,7x29,1

Государственный Музей Искусств
Республики Каракалпакстан
им. И.В. Савицкого

Петух на колесах
Дерево, темпера. 1933
Художественно-педагогический музей
игрушки Российской Академии
образования

**Композиция «Парк культуры
и отдыха».**
Фрагмент. 1936
Дерево, гипс, темпера, др. материалы
Художественно-педагогический музей
игрушки Российской Академии
образования

**Композиция «Парк культуры
и отдыха». Фонтан с рыбкой.**
Фрагмент. 1936
Дерево, гипс, темпера, др. материалы
Художественно-педагогический музей
игрушки Российской Академии
образования

Композиция «Парк культуры и отдыха».

Летний театр.

Фрагмент. 1936

Дерево, гипс, темпера, др. материалы
Художественно-педагогический музей
игрушки Российской Академии
образования

Композиция «Парк культуры и отдыха».

Колоннада.

Фрагмент. 1936

Дерево, гипс, темпера, др. материалы
Художественно-педагогический музей
игрушки Российской Академии
образования

Композиция «Самоеды». 1930-е

Дерево, гипс, темпера, др. материалы
Художественно-педагогический музей
игрушки Российской Академии
образования

Лодки в заливе. Астрахань. 1937

Б., акв. 34,3x24,9

Государственный Музей Искусств
Республики Каракалпакстан
им. И.В. Савицкого

Баржа у причала. 1933

Б., граф. кар. 20,9x31,2

Государственный Музей Искусств
Республики Каракалпакстан
им. И.В. Савицкого

Судно у причала. 1930-е

Б., тушь, кар. 17,8x26,8

Государственный Музей Искусств
Республики Каракалпакстан
им. И.В. Савицкого

В плавании! Шаланда. 1930-е

Б., тушь, кар. 17,8x26,8

Государственный Музей Искусств
Республики Каракалпакстан
им. И.В. Савицкого

Мальчик с книгой. 1930-е

Б., акв. 25,7x22,2

Государственный Музей Искусств
Республики Каракалпакстан
им. И.В. Савицкого

Сосенка. 1930-е

Б., тушь, сух. кисть. 26,5x21,3

Государственный Музей Искусств
Республики Каракалпакстан
им. И.В. Савицкого

Дерево над крышами. 1935

Б., кар. 25x20,7

Государственный Музей Искусств
Республики Каракалпакстан
им. И.В. Савицкого

Два дерева на склоне косогора. 1934

Б., уголь. 42,4x30

Государственный Музей Искусств
Республики Каракалпакстан
им. И.В. Савицкого

Усадьба на Николиной Горе. 1937

Б., акв. 23x38,4

Государственный Музей Искусств
Республики Каракалпакстан
им. И.В. Савицкого

У горящего камня. 1930-е

Б., тушь. 28,9x25,6

Государственный Музей Искусств
Республики Каракалпакстан
им. И.В. Савицкого

На высоком берегу реки. 1930-е

Б., тушь, сухая кисть. 23x19,7

Государственный Музей Искусств
Республики Каракалпакстан
им. И.В. Савицкого

Весенний пейзаж у реки. 1930-е

Б., тушь, сухая кисть. 19,5x23,7

Государственный Музей Искусств
Республики Каракалпакстан
им. И.В. Савицкого

БИБЛИОГРАФИЯ

Н. Петров. Молодые художники // Творчество. 1936, № 6.

О. Ройтенберг. На рубеже 1920–1930-х годов. Поиски и находки // Панорама искусств. Выпуск 4. М., 1981.

Книпер А.В. Фрагменты воспоминаний. Публ. К. Громова и С. Боголепова (псевд. Ф. Перченка и И. Сафонова) // Минувшее. 1 Исторический альманах. Париж: Atheneum, 1986.

То же, репринтное воспроизведение. М.: Прогресс, Феникс, 1990.

«Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». М.: Прогресс, Традиция, Русский путь, 1996.

Илья Сафонов. Одя // Новый мир, № 6, 1997

Творчество и быт ГУЛАГа. Каталог музейного собрания общества «Мемориал». М.: Звенья, 1998.

Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Выпуск 2. М.: Панорама, 1998.

Макс Бирштейн. Жизнь и картины. М.: Галарт, 2000.

Наталья Малыхина. Репрессированное искусство // Газета «30 октября», № 25, 2002.

Русская оригинальная графика 1920–1930-х годов. Каталог. Пермская государственная художественная галерея. Пермь, 2002.

А.В. Книпер. «...Не ненавидеть, но любить». Стихи. Воспоминания. Кисловодск: театр-музей «Благодать», 2003.

Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Выпуск 8. М.: Альзо, 2003.

О. Ройтенберг. Неужели кто-то вспомнил, что мы были... М.: Галарт, 2004

В. Радзишевский. «Я к вам травую прорасту» // Труд, 9 октября 2004

Дмитрий Шеваров. Краем коснувшись судьбы Колчака... // Деловой вторник, 12 октября 2004.

Эльга Лындина. Расплата за любовь // Культура, 11–17 ноября 2004.

Александр Липков. Поклонный крест в Бутове // Первое сентября, 23 апреля 2005, № 29.

Александр Липков. Я к вам травую прорасту... Роман свидетельств // Континент, 2005. № 123

* * *

«Я к вам травую прорасту...».

Документальный фильм.

Автор сценария А. Липков, режиссер А. Колесников, оператор Е. Синельников. «Филмен», Москва, 2005. (Главный приз кинофестиваля «Сталкер» за лучший неигровой фильм. Москва, 2005.)

*Вид из окна дома на Плющихе.
1930-е*

Шхуны вдали. 1935

ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ

Лидия Головова – художник, чл. Союза художников, ст. н. с. Православного Свято-Тихоновского университета, гл. редактор Книг памяти «Бутовский полигон» (Москва), автор книг и брошюр по истории репрессий XX века.

Галина Загянская – историк искусства, профессор Театрального института им. Б. Щукина; автор книг по теории и истории отечественного искусства: «Пейзажи Александра Иванова», «Артур Фонвизин», «Павел Федотов», «Владимир Фаворский. Обстоятельства места и времени» и др. (Москва).

Ольга Удовенко – зав. отделом изобразительного искусства Государственного Музея Искусств Республики Каракалпакстан им. И.В. Савицкого (Нукус, Узбекистан).

СОСТАВИТЕЛИ ИСКРЕННО БЛАГОДАРНЫ И ПРИЗНАТЕЛЬНЫ СОТРУДНИКАМ МУЗЕЕВ, КОЛЛЕГАМ, ДРУЗЬЯМ, ПРИНЯВШИМ УЧАСТИЕ В ПОДГОТОВКЕ КНИГИ

Помощь и содействие оказали: О.Н. Антонов, А.Б. Арсеньев, Т.Л. Белкина, Т.П. Громова, И.Г. Коровай, Э.С. Красовская, А.М. Назариков, И.М. Невзорова, С.А. Сивов, М.Н. Суслова, С.Я. Фадеева, Г.А. Цедрик, Г.А. Чеканова, М.М. Шик (Москва); В.П. Имтосими, И.А. Бедикян, Р.К. Гочияева (Кисловодск); М.М. Бабаназарова (Нукус); Н.В. Беляева, Н.Н. Новопашина, В.С. Заровняных (Пермь); Т.Н. Атюшева, А.У. Греков, Е.В. Мельникова (Сергиев Посад); А.М. Буяков (Владивосток); В.Г. Бирштейн (США).

СОДЕРЖАНИЕ

- 5** Об этой книге
- 9** *Лидия Головкова.* Взысканный горькой судьбой
- 35** *Галина Заганская.* Художник Владимир Тимирев
- 45** *Ольга Удовенко.* О работах Владимира Тимирева
в собрании Государственного Музея Искусств
Республики Каракалпакстан им. И.В. Савицкого
- 47** Живопись, графика
- 81** Игрушка
- 91** Дневник Владимира Тимирева
- 103** Даты жизни и творчества Владимира Тимирева
- 106** Выставки
- 107** Перечень работ Владимира Тимирева
- 111** Библиография

Т-41 Владимир Тимирев. 1914–1938. Книга-альбом. — М.: Возвращение, 2008. — 116 с., ил.

ISBN 978-5-7157-0220-3

Книга-альбом знакомит с творчеством и трагической судьбой художника Владимира Тимирева, в возрасте 23 лет расстрелянного на Бутовском полигоне под Москвой. Впервые публикуются работы художника, хранящиеся в семи музеях и трех частных собраниях. Издание адресовано широкому кругу читателей и ценителей искусства.

ББК 85.103(2)7

На обложке: Владимир Тимирев. Фото художника А.И. Кравченко
Акварель В. Тимирева «Шхуны вдали». Фрагмент

Опубликованы фотографии, предоставленные
Е.В. Акимовой — с. 34, 36; Н.А. Кравченко — переплет, с. 8, 16, 21, 44;
Е.А. Поленовой — с. 37, 38, 46; М.М. Шик — с. 23.
Использованы фотографии из публикаций И.К. Сафонова.

Компьютерная верстка и обработка фотографий: М. Гривцова
Корректурa: Т. Шестакова

Владимир Тимирев

Подписано в печать 13.05.2009

Формат 70х90/12. Бумага мелованная. Печать офсетная. 10. п. л.

Тираж 1000 экз. Подготовлено к печати ООО «Флагман групп».

Отпечатано в типографии МГУ.

Заказ № 1182

ISBN 978-5-7157-0220-3

9 785715 702203 >

С ОБЛОЖКИ ЭТОЙ КНИГИ НА НАС СМОТРИТ ЧЕЛОВЕК, ПРИТЯГИВАЮЩИЙ РЕДКОЙ ЧИСТОТОЙ И ОБАЯНИЕМ.

ДО СИХ ПОР ИМЯ ВЛАДИМИРА ТИМИРЕВА УПОМИНАЛОСЬ В СВЯЗИ С СУДЬБОЙ ЕГО МАТЕРИ

АННЫ ТИМИРЕВОЙ, — СПУТНИЦЫ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ ЖИЗНИ АДМИРАЛА КОЛЧАКА.

МЕЖДУ ТЕМ ВЛАДИМИР ТИМИРЕВ НЕОБЫЧАЙНО РАНО РАСКРЫЛСЯ КАК ХУДОЖНИК

И УСПЕЛ МНОГОЕ СДЕЛАТЬ В ИСКУССТВЕ. ВЫСТРЕЛ НА «БУТОВСКОМ ПОЛИГОНЕ»

ОБОРВАЛ ЕГО ЖИЗНЬ В ДВАДЦАТЬ ТРИ ГОДА.